

НОЧЬЮ ЕСТЬ-КРОВЬ. ЕСТЬ-ГОЛОД. НЕТ-ЖИЗНИ.

НОЧНАЯ

ЖИЗНЬ

ДЖЕК ЭЛЛИС

Джек Эллис

Ночная жизнь

1996

Эллис Д.

Ночная жизнь / Д. Эллис — 1996

Каждую ночь выходит на улицы тот, кто не умеет ни жить, ни умереть. Тот, кто способен выдавать себя за человека, человеком себя не чувствуя. Он умеет властвовать, ненавидеть, лгать, убивать. Он умеет жить нашими жизнями. Он умеет пить нашу кровь. Он – одинок и безжалостен в своем одиночестве. Возможно, тот, кто убьет его, окажет ему большую услугу. Однако убить того, кто не живет, будет очень непросто...

Содержание

1	5
2	9
3	15
4	24
5	31
6	38
7	44
8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джек Эллис

Ночная жизнь

1

За три часа до смерти Фил был занят поисками ночлега. В запасе всегда оставался переулок, отходящий от Хеннепин-авеню между Шестой и Седьмой Южными улицами, но туда он пошел бы в последнюю очередь. Обычно он начинал обход с бойлерной сгоревшего многоквартирного дома на Вашингтон-авеню, потом шел в ночлежку при церкви Сент-Эндрю, и наконец – в ночлежку на Одиннадцатой улице.

В бойлерной наркоманы с глазами дохлых рыб под насмешки и улюлюканье прогнали его прочь. Ночлежка при церкви Сент-Эндрю была набита битком, а до Одиннадцатой улицы было еще топать и топать. Ну и черт с ним. На самом деле ночлежки Фил ненавидел. Ненавидел их тесноту, ненавидел прикосновения невымытых, вонючих тел. Ненавидел благочестие персонала, их показную любовь к ближнему. Он пользовался ночлежками лишь в крайних случаях.

А в переулке было совсем неплохо. Он был узким, поэтому стоящие близко друг к другу стены хорошо защищали от ветра, а тяжелые карнизы старинных зданий – от дождя; за книжным магазином стоял, перегораживая переулок, мусорный контейнер «Дамстер», так что машины здесь не ездили. Можно вполне прилично выспаться. Из картонной коробки Фил соорудил себе постель с подветренной стороны контейнера, а для защиты от заблудших капель дождя, сумевших проскочить между почти соприкасающимися карнизами, набросил на себя кусок полиэтиленовой пленки, которую нашел в контейнере. Вместо подушки Фил положил под голову холщовую сумку со своими пожитками; среди них был предмет его особой заботы: завернутая в два полиэтиленовых пакета библиотечная книга. Эту книгу дал ему Саймон. В воскресенье они встретятся, и Фил вернет ему книгу. Потом Саймон возьмет в библиотеке другую и снова даст Филу. Фил всегда очень аккуратно обращался с книгами, которые давал ему Саймон. Саймон был ему другом, но не таким, как другие: он ничего не требовал в замен на свою доброту. И Фил скорее согласился бы лишиться руки, чем испортить или потерять книгу, которую дал ему Саймон.

Фил закрыл глаза и начал засыпать. Он давно привык к звукам ночного города, и даже шум машин на соседней улице убаюкивал. Журчание воды в сточной канаве напомнило ему о том, как в детстве они с отцом ездили на рыбалку. Назавтра они поднимутся на рассвете и пойдут проверять удочки.

Он спал без сновидений.

А когда проснулся, в переулке было тихо и темно. Дождь перестал, и вода уже не так громко журчала в канаве.

Фил задержал дыхание и прислушался. Что же его разбудило?

Он чувствовал себя неудобно; казалось, за ним наблюдают. Он медленно приподнялся и сел. Громко зашуршал полиэтилен. Прислонившись спиной к стене, Фил всмотрелся в темноту. Ничего, только какие-то тени.

Тишина. Лишь шум машин вдалеке. Где-то в ночи провыла сирена.

– Кто здесь? – спросил он.

Чувство, что за тобой наблюдают, стало сильнее. Плечи и шея Фила покрылись мурашками. Внезапно он подумал, а сколько же времени? Небо в разрывах облаков было темным. Еще глухая ночь.

Какое-то движение в темноте. Фил замер.

– Я знаю, что здесь кто-то есть, – сказал он.

Голос его был сухим и хриплым. Язык во рту стал похож на комок смятой бумаги. Темнота раздвинулась, словно занавес, и шагах в десяти от Филадельфии возникла мужская фигура.

Высокий худой человек.

– Что вам нужно? – спросил Фил.

Полицейский? Так сразу трудно сказать. Но если да, значит, придется вставать и до утра шляться по улицам. При одной мысли об этом у Филадельфии задрожали ноги, и он испытал приступ отчаяния. Сегодня он уже прошагал не меньше двадцати миль.

Мурашки на шее и на плечах превратились в настоящий озноб, и вдруг Фил почувствовал странную острую боль в голове, позади глаз. Он заморгал и принялся тереть переносицу, а когда убрал руку, человек стоял прямо над ним. В слабом свете уличных фонарей Фил рассмотрел его лицо: круглое, очень бледное, словно светящееся, с черными дырами глаз и тонкой линией рта.

– Привет, – сказал Фил.

– Чего ты боишься больше всего на свете? – спросил человек.

– Что?

Боль в голове усилилась. Казалось, что в правый глаз вгрызается червь и хочет сквозь мозг прогрызть проход к левому. Скользкий жирный червь. От отвращения Фил даже сморщился. Он затряс головой, потом снова взглянул на незнакомца. Что-то с ним было не так. Его голова была похожа на сигнальный бакен, качающийся на темной воде.

– Я собираюсь тебя убить, – сказал человек.

Фил инстинктивно отпрянул и оказался, как крыса в ловушке, втиснутым в узкую щель между контейнером и кирпичной стеной.

– Оставь меня в покое, – тихо попросил он.

– А потом я найду твоих дочерей, – продолжал человек.

Фил остолбенел, глядя снизу вверх на круглое бледное лицо: незнакомец улыбался так безмятежно, как будто они вели приятный разговор о хорошей погоде.

– Что? – выдохнул он.

– Эмили и Марион, – сказал человек, продолжая улыбаться.

– Кто, черт тебя подери, ты такой?

– Друг семьи.

– Оставь меня в покое.

– Ну-ну, перестань...

Человек склонился над Филом. Тот сделал жалкую попытку протиснуться между контейнером и стеной, но тут же застрял. Сильная рука схватила его за пальто и потянула назад. Он чувствовал себя как рыба, которую вытаскивают из воды. Мгновение – и перед ним вновь закачалось круглое бледное лицо. Черные глаза, с любопытством рассматривающие его, казались жидкими. От страха у Филадельфии перехватило дыхание. Улыбка потускнела, взгляд черных глаз переместился туда, где начинался переулок. Зрачки расширились, на бледном лице отразился испуг. Руки, держащие Филадельфию, разжались, он упал на асфальт и ударился головой об угол контейнера. В ушах у него зазвенело. Лицо нависло над ним, и он почувствовал отвратительный запах. Запах гниющего мяса.

– Никуда не уходи. Я все равно тебя отыщу. Если двинешься с места, я доберусь и до твоих дочерей. Сиди тут, – услышал он, и лицо исчезло.

Фил остался в одиночестве. Ему стало очень холодно, и он задрожал. На лицо ему упала капля воды. Смахнув ее, он потянулся к своей сумке, но остановился. *Я тебя отыщу. Я доберусь до твоих дочерей.* Руки перестали его слушаться. Фил опустился на коробку, которая в эту ночь служила ему постелью, подтянул к себе колени и крепко обхватил их руками.

Саймон не торопясь шел на север по Хеннепин-авеню, глубоко засунув руки в карманы пальто и опустив голову, чтобы спрятать от ветра лицо.

Улицы Миннеаполиса еще не просохли после недавнего дождя; шурша шинами по мокрому асфальту, мимо пронеслись машины, в лужах, сверкая, отражались уличные огни. Небоскребы деловой части города скрылись из виду, растворившись в низких облаках; лишь дымчатое зарево над центром города бросало на тучи оранжевый отблеск. Устав от плохой, музыки и дыма – который был не только табачным, Саймон раньше всех ушел с вечеринки. Прогулка от Парк-авеню взбудорила его, и хотя было уже половина двенадцатого, он чувствовал себя свежим и полным сил. Он свернул в переулок между Шестой и Седьмой Южными улицами и за мусорным контейнером книжного магазина «Мунбим Букс» увидел Фила. Фил сидел на размокшем картоне, обхватив руками колени и закрыв глаза. Саймон присел рядом и внимательно посмотрел на него. Фил открыл один глаз, узнал друга, выпрямился и откашлялся в ладонь.

– Саймон?

– Привет! Я тебя разбудил?

Фил покачал головой, он тревожным взглядом обшарил переулок, потом вновь посмотрел на Саймона.

– Тебе лучше уйти, – сказал Фил как можно мягче.

– Почему?

– Здесь происходит кое-что нехорошее.

– Что ты имеешь в виду?

Грязные шершавые руки Фила дрожали. Он вглядывался в темноту, словно ждал, что вот-вот из нее кто-то выскочит и кинется на него.

– Я не могу тебе об этом сказать.

Саймон тоже посмотрел в темноту переулка. Ни души. Только шуршание шин автомобилей на Хеннепин-авеню. В переулке не было никого, кроме него и Фила. Но Фил сильно напуган, это видно с первого взгляда. Саймон не мог припомнить, чтобы раньше он видел Фила напуганным.

– Ты хочешь есть?

Фил не ответил.

– Пошли, я тебя угощу чем-нибудь.

Фил покачал головой.

– Я не могу, он велел мне никуда не уходить.

– Кто?

– Он сказал, что, если я уйду, он найдет меня и убьет.

– О ком, черт возьми, ты говоришь? Здесь же нет никого, кроме нас с тобой!

Фил снова покачал головой. Казалось, он готов заплакать.

– Брось, Фил. Пошли. Ты не обязан здесь оставаться. Давай поднимайся.

Фил протянул ему что-то, завернутое в полиэтилен. Это была книга из библиотеки. Саймон взял сверток.

– Прочел?

– Да, очень интересно.

– По дороге обсудим. Пошли, купим что-нибудь пожевать, и я провожу тебя до ночлежки.

– В ночлежке нет мест. Он сотворит со мной что-то ужасное. Я не могу.

Саймон сунул книгу под мышку.

– Тогда подожди меня здесь. Я сейчас вернусь.

– Нет. Встретимся в воскресенье в библиотеке.

– Подожди меня, я мигом.

И, не обращая больше внимания на возражения Фила, Саймон ушел. При свете витрины книжного магазина он осмотрел книгу, которую передал ему Фил. Это был роман Джона Фаулза «Даниэль Мартин». Фил вернул книгу в таком же безупречном состоянии, в каком взял, и даже в срок. Не придется продлевать. Снова зажав книгу под мышкой, Саймон повер-

нулся спиной к ветру и зашагал в «Бургер Кинг». Женщине, которая приняла у него заказ, на вид было около сорока лет. Она была учтива и привлекательна. Куда до таких всем этим голенастым прыщавым девчонкам.

– Двойной вуппер с сыром и большой кофе. Двойные сливки и двойной сахар.

Она повторила его заказ в микрофон, взяла деньги и, даже не улыбнувшись, отсчитала ему сдачу. Саймон огляделся вокруг. В полупустом зале несколько одиноких посетителей пили кофе и курили; никто не ел. Сидящий у окна старик в длинном коричневом пальто со стаканом кофе в шершавых невымытых руках и горечью во взгляде пристально посмотрел на Саймона. Саймон отвел глаза, слегка устыдившись своего сравнительного благополучия. Женщина кашлянула, и когда Саймон обернулся, протянула ему пакет с сэндвичем и кофе в картонном стакане. Быстро подхватив пакет и кофе, Саймон вышел, избегая встречаться глазами со стариком у окна.

Возвращаясь к книжному магазину, он весело насвистывал. В голове впервые за весь вечер прояснилось; должно быть, он просто здорово нанюхался дыма на вечеринке. Надо же, нанюхаться дыма!

Свернув в переулок, он остановился, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте. За время его отсутствия здесь кое-что изменилось. Тьма за книжным магазином сгустилась сильнее и стала непроницаемой. Ощущая неприятный холодок в области живота, Саймон сделал шаг вперед. Может, там что-нибудь загорелось и это дым стелется вдоль стен?

– Фил?

Оттуда, где должен был быть контейнер, донесся низкий негромкий звук, похожий на смех или кашель.

Саймон остолбенел.

Какой-то высокий худой человек сжимая Филадельфию руками. Нет, это не руки. Фил был закутан в простыню, только голова торчала снаружи. Рот открыт, словно в безуспешной попытке закричать, глаза широко распахнуты. Ноги Филадельфии болтались в нескольких дюймах от земли, как будто простыня поддерживала в воздухе. Оба ботинка одновременно упали с его ног, и Саймон увидел босые ступни Филадельфии, уменьшающиеся на глазах. На землю пролилась струйка воды, и ноги Филадельфии исчезли в простыне. Саймон поймал себя на том, что улыбается, будто стал свидетелем чего-то очень смешного. Он вновь перевел взгляд на лицо Филадельфии. Но у того больше не было никакого лица: на его месте сейчас оставалась только сморщенная маска, которая медленно стекала внутрь себя. Саймон выронил стакан, и горячий кофе выплеснулся ему прямо на ноги.

– Фи-и-и-л! – заорал он.

Простыня, окутывающая Филадельфию, вдруг резко повернулась, и Саймон увидел лицо. Удивленные глаза, черные и словно бы жидкие, узкая полоска рта над мягким дрожащим подбородком. В сточную канаву, на ходу испаряясь, как лава, стекала вода. Саймон не знал, куда деть глаза. Внезапно простыня распахнулась, словно подхваченная порывом ветра, и куда-то пропала. Вместо нее возник высокий худой человек с бледным мягким лицом и черными, словно бы жидкими, глазами.

Саймон попятился. Человек шагнул вперед. Едва он сделал движение, темнота у него за спиной, темнота переулка, взметнулась, как плащ, и потянулась следом, будто была с ним одним целым. Увидев это, Саймон развернулся и побежал.

2

Ричард Карниш не ожидал, что его заметят, и в первое мгновение был потрясен. Но шок быстро сменился злостью на самого себя и досадой на то, что теперь придется суетиться, скрывая следы. То, что его увидели, еще не конец света. Такое случалось и раньше, случится и впредь. Гораздо важнее другое, каковы будут последствия того, что его увидели?

По крайней мере он приглушил свой голод. Хотя из-за этого и попался. Он был так поглощен насыщением, что совершенно забыл об окружающем и потерял осторожность. Страдания жертвы были более глубокие и утонченные, чем все, которые ему довелось попробовать за последнее время. Этот бродяга еще не окончательно деградировал и не оставил надежды когда-нибудь вернуться к нормальной жизни.

Память его была полна образов – лица детей, улыбка жены... Карниш придал им злое, искаженное, чем привнес в букет страданий изысканную остроту и утонченность. Он так этим увлекся, что не сумел почувствовать приближение свидетеля. Как правило, он не забывал принять меры для предотвращения таких ситуаций, но сегодня процесс насыщения буквально его ослепил, и только возглас ужаса и изумления вернул Карниша к действительности. Но было уже поздно. Сам охваченный страхом, Карниш поднял голову и увидел лицо человека, глядящего на него. Теперь ему было важно побольше узнать о свидетеле. Его зовут Саймон, он в сильной растерянности и ощутимо напуган. Вполне достаточно, чтобы настичь его и обезвредить.

Но человек, не говоря ни слова, повернулся и побежал.

Карниш сосредоточился. Это был как психологический, так и физиологический процесс. Он постарался забыть о голоде, приглушенном, но не утоленном, поборол страх, вызванный тем, что он был замечен, и принялся втягивать в себя то, что Саймон принял за плащ: свою сущность, ту тьму, что заполнила переулочек, выплеснувшись из Карниша, пока тот утолял голод. Со стороны, это было похоже на то, как какая-то гигантская ночная птица складывает свои крылья. Наконец в переулочке осталась стоять вполне человеческая фигура. Теперь любой принял бы Карниша за обычного человека. Высокий, худощавый, прилично одет. Ничего такого, что могло бы вызвать излишнее любопытство. Случайный прохожий не обернулся бы, чтобы взглянуть на него еще раз.

Маска.

Карниш вышел из переулочка на улицу. На мгновение огни проезжавшего мимо автомобиля ослепили его, но он чувствовал отчетливый след страха, оставленный свидетелем, и начал погоню.

Саймон же пробежал и пятидесяти метров, как его начали мучить сомнения, видел ли он на самом деле то, что увидел, а свернув на запад по Седьмой Южной улице, уже не был даже уверен, был ли он вообще в том переулочке. Когда первый страх поутих, его первой мыслью было, что это последствия приема лизергиндиэтиламида, или, попросту говоря, ЛСД. Во всяком случае, очень похоже на то. Внезапный, необъяснимый переход реального в мистическое, земного в потустороннее, произошедший в одно мгновение и без всякого предупреждения.

Такое и раньше с ним случалось. И хотя в первый раз Саймону понравился эффект, произведенный наркотиком, вторичные проявления его присутствия в организме, неожиданные и пугающие, и в малейшей степени нельзя было назвать приятными. Незванный гость, как говорится...

Нужно сосредоточиться на том, что реально.

А реально то, что он среди ночи бежит, не разбирая дороги, по мокрой от дождя улице. И бежит один. На эту устойчивую платформу здравого смысла Саймон поместил звук своих шагов, собственное хриплое дыхание, холодный ветер и мелкие брызги дождя, жалящие глаза.

Это все было настоящим. Но то, что произошло в переулке... Так что же все-таки там произошло? Конечно, если допустить, что он на самом деле там был.

Он видел Фила. Тот стоял – нет, не стоял, а висел в воздухе, как будто кто-то или что-то поддерживало его на весу. До этого момента все выглядело вполне нормально. А потом эта внезапная ужасная перемена. Казалось, мир вокруг стал жидким, текучим. Фил не стоял, он висел, поддерживаемый чем-то похожим на белую простыню, которая...

Которая делала *что???*

Подала его!

Саймон перестал вспоминать то, что видел, и сосредоточился на этой формулировке.

Подала его?

Ботинки Фила упали с его ног. Почему они упали? Потому что его ноги на глазах уменьшались. Эта белая простыня высасывала из Фила все жизненные соки, высасывала до тех пор, пока не осталось ничего, кроме воды. Саймон бросил взгляд на сточную канаву, куда стекала дождевая вода, и содрогнулся.

А потом? Что было потом?

А потом поверх простыни он увидел лицо. Бледное, слабо мерцающее. Черные глаза, узкая полоска рта, мягкий детский подбородок.

Затем простыня исчезла, а на ее месте остался стоять человек. Высокий худощавый мужчина, лет около пятидесяти. Вот это было вполне реально, он это отлично запомнил. Но Фила не было. Фил исчез. Фил превратился в несколько литров воды, которая стекла в сточную канаву. А потом... потом человек двинулся к Саймону. И это был самый ужасный момент. Он не просто двинулся к Саймону – казалось, он захватил с собой весь переулок, казалось, что вся темнота в переулке поползла вслед за ним, как будто была с ним одним целым.

В памяти, как после галлюцинации, осталось чувство полной реальности и в то же время абсолютной невероятности происшедшего. Это ощущение было Саймону хорошо знакомо. Он не был новичком в игре с наваждениями. За последнюю пару лет ему не раз случалось приторчать не по-детски. Например, как в тот раз в Аноке, в мотеле, с Бобби и Ронни. Он съел две таблетки, несмотря на предупреждение, что товар хороший, чистый и четверти таблетки хватит за глаза. Он лежал на кровати и вдруг почувствовал, как она начала покачиваться. Оглядевшись, он увидел, что его со всех сторон окружает вода, а вокруг кровати кружится акулий плавник. Насколько он мог понять, акула искала его. Он помнил, как сбоку открылась пасть и огромные треугольные зубы вонзились в его тело, помнил фонтан крови и чувство пустоты внутри после того, как его кишки вывалились на матрас. Он заорал и вновь оказался лежащим на кровати в мотеле, а напротив, на другой кровати, сидели Бобби и Ронни, и они смеялись, смеялись. Саймон получил удовольствие от осознания того, что все это было не настоящее, а лишь галлюцинация, вызванная действием наркотика. Он никогда не принадлежал к тем идиотам, которые объявляли ЛСД средством для достижения какого-то откровения или слияния с божественной сущностью. Это просто наркотик. Путем какого-то неизвестного воздействия на мозг он вызывает галлюцинации. И это бывает очень забавно.

Но после той галлюцинации – если это была галлюцинация, – которая случилась с ним там, в переулке, у Саймона осталось чувство какой-то нависшей над ним угрозы. Смертельной опасности.

Сообразив вдруг, что остановился, он с досадой тряхнул головой. Перейдя улицу, он обернулся и посмотрел в ту сторону, откуда пришел. Там, в полумраке, мелькнула тень: кто-то быстра шел *за* ним по улице.

Шлейф страха, оставленный Саймоном, пересек улицу, и Карниш, что-то тихонько бормоча себе под нос, последовал за ним. Он уже сосредотачивался на новой жертве. Не прошло еще и минуты с тех пор, как Саймон, Простак Саймон, выбежал из переулка. Его по-прежнему

легко было настичь. И действительно, когда Карниш завернул за угол, он увидел в пятидесяти метрах впереди себя человека, спотыкаясь, бегущего вдоль по улице.

Должно быть, Саймон почувствовал, что его преследуют, потому что остановился и посмотрел назад. Карниш улыбаясь про себя, продолжал приближаться. Саймон вскрикнул, и этот крик был ясно слышен Карнишу.

Саймону казалось, что тень его преследователя вытянулась и угрожающе разрослась. У него было чувство, будто в спину ему светят автомобильные фары. Но ни одной машины на улице не было. И ни одна тень не могла быть *такой*.

Если это была галлюцинация, то это самая правдоподобная и устойчивая, которую он когда-либо испытывал, и она несла в себе такой заряд ужаса, перед которым побледнел бы любой ночной кошмар.

Саймон с криком повернулся и снова побежал. Это не галлюцинация. Это все происходит на самом деле.

Он бежал через Хеннепин, отмахиваясь от машин, отталкиваясь от них, когда они останавливались в нескольких дюймах перед ним, скользя по мокрому асфальту; не обращая внимания на ругань водителей и возмущенные гудки, он нырнул в темноту ближайшей улицы. Пробежав с квартал, Саймон на мгновение остановился, чтобы перевести дух. Фигура преследователя, высокая и тонкая, вырисовывалась на другой стороне Хеннепин, полускрытая тенями, которых там не могло быть. Саймон был уверен, что это преследователь вырабатывает тени, чтобы скрываться в них от света.

Вдруг Саймон осознал, что до этой минуты он ни разу в жизни не испытывал настоящего страха. О, разумеется; ему приятно щекотали нервы страшные фильмы, и радостный ужас пережитой галлюцинации был ему тоже знаком, но эта физиологическая, совершенно не зависящая от сознания реакция организма, исключая всякую логику, никогда ему не встречалась. Его сердце колотилось как бешеное, и в то же время ему было холодно, и он чувствовал слабость. Дрожали руки и ноги. Он страстно желал куда-нибудь скрыться, хотел повернуться и побежать со всех ног, но не мог двинуться с места. И причина этого страха была не в том, что он увидел в переулке, а в том, что тот, кого он там увидел, сейчас стоял на другой стороне Хеннепин, не сводя с него глаз.

Один только вид этой фигуры затронул в нем что-то первородное, непререкаемое; с ним такого еще никогда не бывало. Саймон с абсолютной уверенностью сознавал, что перед ним хищник, хищник, способный его уничтожить, и реагировал как загнанная добыча. Только инстинкт самосохранения, подстегнутый страхом, помог ему подавить в себе желание упасть на землю и притвориться мертвым.

Преследователь сошел с тротуара на проезжую часть. Раздался автомобильный сигнал.

Этот звук отрезвил Саймона. Он вскрикнул, как будто его окатили ледяной водой, повернулся и со всех ног бросился прочь от приближающейся зловещей фигуры. Он уже не раздумывал над тем, что происходит, не искал этому разумного объяснения. Им овладело одно стремление, которое отменяло любые попытки проанализировать и понять происходящее: стремление скрыться от погони. Добежав до Первой Северной авеню, он, не оглядываясь, свернул налево. Нет смысла глазеть на охотника у себя за спиной. Это ему ничем не поможет. Бегство – вот его единственная надежда. И едва он свернул за угол, у него в голове всплыла мысль, пришедшая, казалось, извне.

Это все нереально. Мне все это померещилось. Ничего этого не было и быть не могло, и в любом случае мне никто не поверит.

Эта мысль показалась ему такой убедительной, что он чуть было опять не остановился. Но в нескольких кварталах впереди, через улицу, он увидел яркий свет, и тут же им полностью завладела другая мысль: мысль о безопасном месте.

Реально происходящее или нет – это теперь не имело значения. Саймон вновь побежал.

Карниш преследовал Саймона еще квартал. Его собственные опасения постепенно рассеялись. Слишком сильно сомнение в сознании у Саймона, он сильно напуган, не совсем уверен в том, что он видел, и в том, что это было на самом деле. Когда Саймон завернул за угол, Карниш прекратил преследование. Продолжать его не было необходимости. Если Саймон и сам не может поверить в то, что видел, он тем более не сумеет заставить поверить в это других.

Карниш вернулся в переулок, где он насыщался. Сначала он намеревался обойтись без уборки, но теперь, после того как его застали во время еды, она была необходима. Он подобрал ботинки жертвы и небольшую холщовую сумку – вероятно, набитую фотографиями и прочей ерундой, которую носят с собой бездомные. Сначала он хотел просмотреть ее содержимое, но потом передумал и бросил сумку в контейнер для мусора. На мгновение он задумался, убирать ли пакет с сэндвичем, брошенный Саймоном, и решил, что не стоит возиться. Какая разница? Кроме пакета, единственным напоминанием о том, что здесь произошло, была вода из тела, уже остывшая и смешавшаяся с дождевой. Никто ничего не заподозрит. Карниш прошел переулок насквозь, перешел улицу и углубился в другой переулок. Найдя там свой «Дамстер», он бросил туда ботинки Фила, а потом вернулся на улицу и пошел в сторону аллеи Николет. Ночь была прохладной, дул освежающий ветерок. Тучи разошлись, но звезд не было видно из-за зарева городских огней.

Ближе к Николет навстречу ему стали попадаться прохожие – любители ночных прогулок, влюбленные парочки, посетители ресторанов и кинотеатров. Была ночь с пятницы на субботу, и в воздухе уже витала атмосфера выходного дня.

Карниш свернул на Николет; он шагал быстро, но не слишком быстро: человек, у которого есть какая-то цель и который знает, куда идет. Но самое главное, что он *человек!*

Карниш улыбался – с несколько отсутствующим видом, как будто шел, о чем-то задумавшись. Один раз, ожидая переключения светофора, он обернулся и посмотрел на свое отражение в стекле витрины. Высокий, стройный, аристократичный; седеющие волосы, продолговатое лицо, одет хорошо и опрятно, аккуратно причесан. Мужчина хоть куда. Он улыбнулся своему отражению. Симпатичный дьявол. Дьявол – вот ключевое слово.

Проходя мимо "Кристал Коурт", он заметил охранника: тот курил, прислонившись к наружной двери. В голове у охранника была полная мешанина. Он думал о том, что через час сменится с дежурства, и как будет себя вести, вернувшись домой. В последнее время он выпивал, и по отношению к жене и двоим своим сыновьям поступал порой гадко, если не сказать оскорбительно. Он представлял себе их лица, представлял, как младший улыбается. Сегодня вечером он собирался сделать для них что-нибудь приятное, чтобы загладить свое утреннее поведение. Он принял решение отныне следить за собой. Он считал, что у него хорошая семья, и не хотел ее потерять.

Внезапно Карниш испытал сильнейшее отвращение к этому человеку, к его смешной, жалкой и такой человеческой проблеме. И он тут же послал ему образ его младшего сына, который стоит на коленях перед папочкой, который пихает ему в рот свой напряженный член. Охранник побледнел и выронил сигарету. Губы у него тряслись. Он поднял глаза и увидел Карниша, который, улыбаясь так, будто они вместе посмеялись над только им известной шуткой, быстро прошел мимо. На прощание он посеял в сознании охранника семя желания воплотить в жизнь увиденную в мыслях картинку. Он чувствовал ужас охранника, который, впрочем, ощущался все слабее по мере того, как Карниш от него удалялся. Потом он заметил у автобусной остановки мужчину и женщину средних лет. Они стояли обнявшись. Их любовь была для него подобна непереносимому зловонию, но был в нем приятный для Карниша оттенок. Женщина очень тревожилась. Она узнала, что уплотнение в ее правой груди может быть злокачественной опухолью. Ей еще предстояло сделать биопсию, и она пока ничего не сказала

мужу. Карниш вкусил от ее тревоги и, проходя мимо, посеял в ее сознании мысль, которая в ближайшие дни должна была привести ее на грань безумия. Он заставил ее поверить, что в ее грудях поселились черви, что они ползают там, откладывают яйца, жрут ее плоть. Он увидел, как она напряглась, как рука ее поднялась и повисла в воздухе между ней и мужем. Потом Карниш послал ей последнюю мысль:

«Он возненавидит тебя, если ты потеряешь свои груди, ты – червивая карга».

Дойдя до Четвертой Южной улицы, он повернулся и окинул взглядом аллею. Людское море волновалось в берегах из бетона. Глядя на мужчин, женщин, детей, он наполнялся такой злобой, таким отвращением к людям, что она просто не умещалась в нем. Буквально на одно мгновение та его часть, которая была тьмой, ненавистью и ужасом, вырвалась наружу и как огромная тень нависла над аллеей. Лица людей сразу же посерьезнели, все глаза опустились к земле, а губы плотно сжались. Наступила тишина. Каждый ощутил нависший над ним ужас, ощутил присутствие рядом злобы и ненависти. Но эти тупые, безмозглые овцы не обратили внимания на мимолетный прилив ужаса, который быстро был заглушен биением их сердец и током их горячей крови.

Вздыхнув, Карниш свернул за угол, миновал еще пару кварталов и подошел к ожидающему его у входа в «Мидлэнд Билдинг» автомобилю. Его шофер Эдвард курил, опустив стекло. Карниш открыл заднюю дверцу и сел в салон. Эдвард одним движением пальцев выбросил сигарету и повернул к Карнишу изумленное лицо:

– Э, мистер Карниш, вы уже закончили с делами?

– Да, закончил.

– Быстро вы обернулись.

– Да, пожалуй.

– Куда поедет, сэр?

– Отвези меня домой.

Эдвард кивнул, завел двигатель и тронул машину.

Карниш откинулся на спинку и закрыл глаза. Он чувствовал, что Эдварду неловко из-за того, что он застал его сидящим в вальяжной позе и с сигаретой. Карниш превратил эту неловкость в навязчивую мысль, почти в паранойю, и улыбнулся, видя, как шофер заерзал на своем сиденье.

Яркий свет, увиденный Саймоном, оказался входом в ночлежку на Одиннадцатой улице. Весь мокрый от пота и дождя, он, задыхаясь, поднялся по каменным ступеням к двери и увидел через стекло табличку, которая гласила, что ночлежка открыта с восьми утра до одиннадцати вечера. Саймон подергал дверь и убедился, что она заперта. Тогда он прижался лицом к стеклу и закричал. Он боялся повернуть голову и посмотреть назад. Он знал, что может увидеть. Ту высокую худую фигуру, закутанную в свой плащ из теней. Саймон скорее согласился бы умереть на месте, чем еще раз это увидеть. Только не сегодня. Реально это или нет, он не переживет, если увидит это еще раз. Он отчаянно заколотил в дверь кулаками.

За стеклом, в глубине, была видна лестница, ведущая наверх, в залитое оранжевым светом пространство. В воспаленном мозгу Саймона и лестница, и свет приобрели какое-то мистическое, неземное значение. Ему казалось, что эта лестница на небеса, к спасению, а он заперт во тьме ада с ужасными демонами, и ему никогда не открыть эту дверь, никогда не добраться до этой лестницы, никогда не спастись.

Разумом он понимал, что находится под влиянием страха и что это всего лишь ночлежка, а не лестница на небеса, но тем не менее останавливаться не собирался. Он барабанил в дверь и кричал во всю силу своих легких, нисколько не заботясь о том, будут ли его выкрики внятными и доступными для понимания, а когда фары проезжавшего мимо автомобиля взметнули по фасаду причудливые тени, он съезился и плотно зажмурился, не в силах их видеть. Когда

он снова открыл глаза, по лестнице спускалась человеческая фигура, постепенно появляясь из яркого света наверху. Это была молодая женщина. Саймону она показалась ангелом. Она подошла к двери и, нахмурившись, посмотрела на него сквозь стекло.

– Впустите меня, – сказал Саймон.

Она указала ему на табличку:

– Мы никого не впускаем после одиннадцати.

– Пожалуйста, прошу вас.

Саймон все же не удержался и оглянулся. Он ничего не увидел, но это совсем не означало, что там никого нет.

Дверь открылась. Саймон ввалился внутрь, быстро закрыл за собой дверь и привалился к ней спиной.

– Заприте ее, – проговорил он.

Все еще хмурясь, женщина исполнила его просьбу, потом отступила на шаг и с любопытством посмотрела на визитера. Саймон стоял, привалившись к двери. Он тяжело дышал, колени его дрожали, но он тоже с интересом разглядывал свою собеседницу. На первый взгляд женщине было лет двадцать шесть. Длинные каштановые волосы собраны сзади в хвостик. Симпатичное овальное личико. Очки в тонкой оправе. Если бы они встретились где-нибудь на вечеринке, то, наверное, неплохо бы провели время, болтая о том, о сем. Но сейчас она выглядела строго и неприступно.

– В чем дело? У вас что-то случилось?

Саймон лишь покачал головой. Он все еще был не в состоянии говорить нормально.

– Вас кто-то преследует?

Едва она это произнесла, Саймон резко повернулся и бросил тревожный взгляд на улицу. Там мелькали какие-то тени и блики света, отражающегося на мокром асфальте. Вновь посмотрев на женщину, он увидел, что выражение ее лица немного смягчилось.

– Ночлежка заполнена до отказа. Ни одной свободной койки. Но если хотите, можете подняться со мной наверх, я налью вам кофе, и вы немножко погрееетесь.

Почему-то она произнесла это с вопросительной интонацией. Саймон кивнул, и когда женщина начала подниматься по лестнице, пошел следом за ней.

3

Кто бы он ни был, две вещи о нем Бекки знала наверняка. Во-первых, она никогда его раньше не видела. Во-вторых, он сильно напуган. Еще она подумала, что скорее всего он не бездомный, во всяком случае, не такой, к каким она привыкла, работая в ночлежке. И, основываясь на своем опыте, она решила, что он не опасен, несмотря на взъерошенный вид и дикий блеск в глазах.

Не говоря ни слова, Саймон поднялся за ней по лестнице. Проходя мимо помещения, где стояли кровати, он задержался и заглянул в открытую дверь. Бекки подняла палец, предупреждая о тишине. Несмотря на еще сравнительно не поздний час, почти все, кто пришел сюда на ночлег, уже спали. Из-за двери доносились храп и глубокое дыхание спящих людей. Между рядами коек Бекки увидела Генри. Он, в свою очередь, взглянул на нее, заметил Саймона, скорчил недовольную рожу и выразительно закатил глаза. Бекки пожалала плечами и повела гостя дальше:

– Пойдемте, я же говорила, что свободных мест нет.

В регистратуре она указала ему на кресло у стены, и Саймон, вздохнув, тяжело опустился в него. Он сидел, ссутулившись, и вид у него был такой, будто он только что пробежал марафон. Она подумала, что ему, должно быть, около тридцати лет, а может, они даже ровесники. Но возможно, что он гораздо моложе, ведь ничто так не старит, как жизнь на улице. У него каштановые волосы до плеч, растрепанные, но не такие грязные и нечесанные, как у бездомных. Ему не мешало бы побриться; лицо у него осунувшееся и бледное, глаза одного цвета с волосами. Глядя, как он улыбается, благодаря ее, Бекки подумала, что ей нравятся его глаза, еще немного испуганные, но дружелюбные и не угрожающие.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Саймон.

– Саймон, а дальше?

– Саймон Бабич.

Чем-то это имя было ей знакомо. Она была уверена, что никогда раньше его не слышала, но все же оно что-то затронуло в ее памяти. На коленях он держал завернутую в полиэтиленовый пакет книгу в твердом переплете. Наверное, из библиотеки. И в этом тоже было что-то знакомое.

– Как называется книга?

Саймон опустил глаза и с таким удивлением посмотрел на книгу, будто успел забыть о ее существовании. Он нахмурился, и страх, который уже почти прошел, с новой силой вернулся к нему. Когда он поднял книгу, чтобы показать ей обложку, руки его дрожали.

– «Даниель Мартин» Фаулза.

На это название ее память откликнулась.

– Иногда к нам приходит один человек. Он любит читать, – сказала она. – Однажды он мне рассказал, что не смог продлить свою читательскую карточку, но у него есть друг, который берет для него книги в библиотеке.

– Фил, – сказал Саймон.

– Так это вы тот Саймон?

– Да, мы с Филом знакомы.

– Это поразительно! Я столько о вас слышала, что, кажется, уже давно знаю вас, – сказала она, широко улыбаясь.

Но Саймон не улыбнулся. Он опустил глаза и посмотрел на книгу так, словно видел ее впервые.

– Меня зовут Бекки Ратман. Хотите кофе?

- Было бы замечательно.
- Сахар, сливки?
- Да, пожалуйста.

Она подошла к кофеварке, налила кофе, добавила сахар, сливки, размешала и подала ему. Его руки дрожали, когда он потянулся к чашке. Он улыбнулся смущенной улыбкой, но уверенно взял чашку и крепко обхватил ее ладонями. Бекки, почувствовав, что от него пахнет травкой и пивом, сморщила нос и, сев за стол, стала внимательно рассматривать Саймона. Он поднес кружку ко рту и сделал большой глоток. Горячий кофе подействовал на него успокаивающе. Сделав еще один глоток, он прикрыл глаза.

- Я помню, Фил говорил, вы живете где-то неподалеку?
- Да, на Пятой улице.
- Это совсем рядом.

Саймон кивнул, еще отхлебнул из чашки и посмотрел в окно. Но когда мимо проехала машина, и отблеск фар осветил окно и противоположную стену, отвернулся и уставился в чашку.

- А что привело вас сюда?

Он посмотрел на нее поверх чашки, и вновь что-то в его взгляде тронуло Бекки. Казалось, он хочет в чем-то признаться, но боится.

- Вас кто-то преследовал?

Саймон глубоко вздохнул и, кивнув, отпил еще кофе.

- У вас какие-то неприятности?

Поколебавшись, он покачал головой.

– Мне очень неприятно говорить вам об этом, но я не могу позволить вам остаться здесь на всю ночь. Правила запрещают.

Саймон глотнул кофе.

- Если вы не хотите со мной разговаривать...

– Кое-что произошло, – сказал он.

- Что именно?

Саймон опять глубоко вздохнул и сказал:

- Я видел Филя.

- Сегодня?

Саймон кивнул:

- В переулке, за книжным магазином «Мунбим Букс».

– Я думала, что он сегодня придет сюда. Он всегда приходит, когда на улице дождь или становится холодно.

- Он ненавидит ночлежки.

- Так что же случилось?

Саймон глотнул кофе из чашки, опустил глаза, как будто подбирал слова, потом покачал головой и посмотрел на Бекки. Его взгляд был вполне искренним.

- Я не уверен, но, по-моему, кто-то напал на него.

- На Филя?

Саймон кивнул.

- Вы кому-нибудь уже рассказали?

- Только вам.

- Насколько серьезно он пострадал?

Саймон пожал плечами:

- Не знаю... Его там больше нет.

- Куда же он делся?

- Не знаю.

– А тот, кто напал на Филадельфию, преследовал и вас?

Он снова кивнул. Кофе он допил, но продолжал сжимать чашку в руках.

– Мне кажется, нам надо позвонить в полицию. Если Фил ранен...

– Нет, Филадельфия нет.

– Но вдруг он бродит где-то, раненый...

– Нет, он нигде не бродит.

Его плечи снова поникли. Он поставил чашку на стол, опустил голову и закрыл лицо руками. Бекки смотрела на него, не зная, что делать. Нельзя сказать, что она часто заводила знакомство с посетителями ночлежки, но с Филом было иначе. Каждый раз, приходя ночевать, он отдавал ей на хранение книги, которые приносил с собой. Он говорил, что не имеет права потерять их или испортить. Он никогда, с ней не откровенничал и не рассказывал о себе, но она инстинктивно чувствовала, что в нем есть что-то хорошее. Доброта. Отзывчивость. И какова бы ни была причина того, что он оказался на улице, она знала, что это какая-то серьезная и грустная история. И мысль о том, что Фил, может быть, серьезно ранен и нуждается в помощи, сильно ее беспокоила.

Но, с другой стороны, она совсем не знала этого Саймона Бабича. Вид у него вполне искренний, но от него пахнет пивом и марихуаной. Может, ему привиделось это нападение на Филадельфию? Может, у него вообще белая горячка? Симптомы в виде страха и нервного напряжения налицо.

– Вы пьяны?

Он, прищурившись, посмотрел на нее и выпрямился в кресле.

– Нет, я не пьян.

– Вы что-нибудь употребляли сегодня?

– В каком смысле?

– Наркотики?

Он усмехнулся и покачал головой:

– Я не пьяный и я не употреблял наркотики.

– Тогда, я думаю, вам надо пойти в полицию и все рассказать.

– Не сегодня.

– Почему?

– Потому что я не хочу сейчас выходить на улицу.

И она снова увидела в его глазах страх, настоящий ужас. Вошел вернувшийся с обхода Генри, и Саймон, отведя взгляд от Бекки, посмотрел на него. Генри сел с другой стороны стола и подозрительно посмотрел на Саймона.

– Ну, в чем дело?

Бекки тоже взглянула на Саймона. Секунду или две он смотрел ей в глаза, а потом отвернулся к окну. Генри был негром среднего возраста; в свое время он сам пользовался этой ночлежкой, а потом устроился сюда ночным охранником. Он работал три раза в неделю. Генри был строгим приверженцем правил и не питал симпатий к пьяницам и нарушителям распорядка, хотя в былые времена сам этим грешил. В ночлежке ни одной свободной койки, времени уже далеко за одиннадцать, так что Саймон для него был просто чужаком, которому здесь не место.

– Это мой друг, – быстро сказала Бекки. Саймон, познакомься, это Генри.

Саймон удивленно посмотрел на Бекки, а Генри, медленно покивав, пожал печами, налил себе кофе, уселся в кресло и принялся листать какой-то журнал. Саймон же, глядя Бекки в глаза, поблагодарил ее улыбкой.

– В шесть все уходят, а потом мы закрываемся, – сказала она.

Он кивнул и, проведя языком по губам, спросил:

– А к тому времени уже будет светло?

Бекки непонимающе посмотрела на него и нахмурилась:

– Наверное.

Он снова кивнул и посмотрел в окно. Казалось, он ждет, что вот-вот кто-то сейчас ворвется сюда и бросится на него.

Саймону приснился Фил. Они познакомились в начале апреля, почти полгода назад. Саймон забрел тогда в библиотеку, чтобы убить время. Он уже уходил, когда его внимание привлекли громкие голоса у стола библиотекаря. Какой-то бродяга, размахивая книгой, спорил с охранником, а библиотекарша стояла позади с гримасой отвращения на лице. Привлеченный жалобными интонациями бродяги, Саймон подошел ближе и через несколько секунд понял, в чем дело. Библиотечная карточка бродяги была просрочена. А когда библиотекарша спросила у него адрес, он сделал ошибку и честно признался, что никакого адреса у него больше нет. Библиотекарша сказала ему, что без постоянного адреса и телефона она, согласно правилам, не может продлить ему карточку и уж тем более выдать на руки книгу. Фил, высокий, худой, выглядевший достаточно прилично, если не считать рваного пальто и грязных джинсов, казался, готов был заплакать:

– Но я же всю жизнь хожу в эту библиотеку. Вы же меня знаете. Я всегда возвращал все книги, которые брал, и возвращал вовремя. Я никогда...

– Мне очень жаль, – твердила в ответ библиотекарша.

Охранник взял Фила за руку и потянул к выходу, а Фил все тянулся за книгой. Охранник рассердился, резким движением развернул Фила и заломил ему руку за спину. Через мгновение Фил был уже на улице. Саймон видел в окно, как он, ковыляя, дошел до одной из каменных скамеек в библиотечном дворе, сел и, не в силах сдержать слезы, закрыл лицо руками. Саймон никогда не питал особой жалости к бродягам, нищим и им подобным. Его собственное положение было таким, что приходилось считать каждый цент. Но здесь было совсем другое дело. Этому бедняге была нужна только книга.

Саймон подошел к столу выдачи.

– Та книга, что он хотел взять, – сказал он. – Можно мне взглянуть на нее?

Библиотекарша кивнула и с улыбкой подала ему книгу. Это был роман Томаса Вулфа "Костры тщеславия". Саймон протянул библиотекарше свою карточку. Она провела декодером по карточке, затем по штрих-коду на книге.

– Иногда к нам заходят просто ужасные люди. Даже не представляю себе, что он собирался сделать с этой книгой. Скорее всего хотел продать, чтобы купить наркотики.

– Очень может быть, – сказал Саймон и вышел.

Фил все еще сидел на скамейке, уставившись в землю невидящими глазами. Саймон встал напротив и стоял до тех пор, пока Фил не поднял голову. Затем он протянул ему книгу.

– Срок до двадцать первого апреля, – сказал он, – встретимся здесь двадцатого, в полдень.

Фил открыл рот и, моргая, глядел то на Саймона, то на книгу.

– Бери же!

Только через несколько секунд Фил справился с собой и взял книгу. Он закивал в знак благодарности, и губы у него дрожали.

– Меня зовут Саймон.

– А меня – Фил.

– Пошли, выпьем кофе, – сказал Саймон.

Фил улыбнулся. Его зубы были в отличном состоянии, как будто он только что вышел от дантиста – удивительная вещь при его образе жизни.

С тех пор Саймон виделся с Филом каждые две недели.

Фил никогда не просил у него денег, и это было очень хорошо. У Саймона никогда не было свободных денег. Зато он всегда приносил Филу книги, которые тот просил.

В своем сне Саймон был Филом, и простыня, скрытая тенями, поддерживая его на весу, сминала его, сосала из него жизнь...

– Эй, просыпайтесь.

Саймон открыл глаза и так быстро поднял голову, что ударился затылком о стену. Над ним кто-то стоял, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы узнать Бекки и вспомнить, где он находится.

– Как вы себя чувствуете?

Саймон чувствовал себя разбитым, его тело одеревенело, но он сказал, что все нормально.

– Уже почти шесть, и скоро Генри будет всех поднимать. Я подумала, что вы предпочтете уйти до того, как все проснутся и здесь начнется столпотворение.

Саймон потерял глаза. Генри так и сидел в своем кресле, опустив голову на грудь, и слегка похрапывал.

– Да, конечно. Спасибо.

Она подала ему книгу. Едва Саймон взглянул на нее, как тут же воспоминания о событиях вчерашней ночи нахлынули на него с новой силой.

– Я все-таки думаю, что вам надо пойти в полицию и все рассказать, – сказала Бекки.

Саймон, зевая и потягиваясь, посмотрел в окно на розовеющее перед рассветом небо. На улице было сухо.

– Если вы действительно видели, как что-то случилось с Филом, вы просто обязаны пойти в полицию. Ради Филадельфии.

– Я не совсем уверен в том, что я видел.

– Ночью вы были вполне уверены.

– Ночью я был...

Она смотрела на него, с интересом ожидая, чем он закончит.

– Спасибо, что позволили мне переночевать.

– Только не превращайте это в привычку.

Саймон усмехнулся.

– Это не шутка, Саймон. Я хорошо знаю таких людей, как вы. Прислушайтесь к моим словам. Вы застряли между двумя мирами и парите в воздухе, не принадлежа ни к одному из них. Я сама одно время была в похожей ситуации. Вам надо поскорее решить для себя, что вам нужно от жизни, иначе вы очень скоро покатитесь по наклонной и окажетесь там, – кивнула она в сторону спальни, откуда по-прежнему доносились храп и сопение.

– Ну, до, этого еще далеко.

– Не так далеко, как вам кажется.

Саймон глубоко вздохнул:

– В любом случае спасибо.

Он обошел стол и направился к лестнице.

– Саймон.

Он повернулся. Бекки все еще сидела за столом.

– Известите меня, если узнаете что-то про Филадельфию.

Он кивнул:

– Конечно.

Саймон спустился, каждым шагом выбивая из старой лестницы облачка пыли. У двери он задержался, чтобы застегнуть куртку. Еще не совсем рассвело, но темнота уже отступила. Он отпер дверь и вышел наружу. Порыв холодного утреннего ветра налетел на него, и он вздрогнул. Издалека доносились звуки уличного движения. Город просыпался. Глубоко засунув руки в карманы, Саймон пошел в сторону "Мунбим Букс".

При дневном свете переулок выглядел иначе. В темноте он казался уютнее и не таким большим, каким был на самом деле. Сейчас, стоя у витрины "Мунбим Букс", Саймон мог видеть дальний конец переулка, где он пересекался с другим, проходящим между Шестой и Седьмой улицами. Он видел серую стену с черными зигзагами пожарной лестницы, какие-то трубы. Кроме «Дамстера», принадлежащего книжному магазину, вдоль переулка стояли еще несколько контейнеров. Картонные коробки, разбитые бутылки и прочие следы цивилизации устилали тротуар. В переулке до сих пор было сыро. Капли вчерашнего дождя еще продолжали падать с пожарных лестниц и водосточных желобов. Саймон простоял у входа в переулок минут пять, не решаясь шагнуть вперед. По Хеннепин, сигналив, проносились машины. Было раннее субботнее утро, но здесь жизнь уже была ключом. Когда дальнейшее стояние потеряло всякий смысл и надо было решаться либо войти в переулок, либо навсегда отсюда уйти, он сделал шаг вперед, потом еще один и остановился. Под ногами у него лежал вчерашний пакет из "Бургер Кинг", разорванный, в лужице кетчупа и горчицы, а рядом валялся стакан из-под кофе. Саймон судорожно сглотнул и отвел глаза. Если до этой минуты у него оставались какие-то сомнения по поводу его вчерашнего присутствия здесь, то теперь они полностью исчезли. Он точно был здесь вчера вечером. Вчерашний страх вновь захлестнул его. Ему даже показалось, что за «Дамстером» стоит та высокая худая фигура и ждет, когда он подойдет поближе. Однако, заглянув за контейнер, он увидел только размокший картон. Саймон знал, что Фил не расставался с холщовой сумкой, которую носил через плечо, но ее нигде не было видно, так же как и ботинок, которые упали с его ног. Все выглядело так, словно Фил вообще сюда не приходил. Саймон присел и потрогал асфальт. В сточной канаве журчала вода и исчезала в канализационной решетке.

Фил пропал.

Саймон резко поднялся и, чувствуя неприятный холодок в животе, вышел из переулка. На углу, у магазина, он прислонился к стене и глубоко вздохнул. В начале Одиннадцатой улицы он увидел быстро растущую толпу. Кто-то нес какие-то свертки, кто-то шел с пустыми руками. Это было похоже на соревнование инвалидов. Ночлежка выпустила своих обитателей скитаться по городу до тех пор, пока в восемь часов ее двери не откроются снова, чтобы дать им приют на ночь. И хотя у Саймона было пристанище, он хорошо представлял себе, какой это кошмар, когда некуда пойти и нечем заняться кроме того, что искать, где бы поесть и как бы согреться. Он вспомнил Бекки, ее лицо, ее глаза и ее слова: «Ради Фила».

– Черт возьми, – пробормотал он.

В шесть утра в приемной полицейского управления было так тихо и пустынно, что Саймон подумал, что не туда попал. Скамьи в зале ожидания были пусты, и только старый сутулый уборщик с бледным небритым лицом мел полы. Так выглядит автобусная станция ранним утром, за несколько часов до первого автобуса.

За столом сидел седовласый сержант и, как показалось Саймону, трудился над каким-то рапортом. Приблизившись, Саймон увидел, что это не рапорт, а всего-навсего кроссворд. Заметив Саймона, сержант спрятал кроссворд и поднял голову.

– Чем могу быть полезен, сэр?

– Э-э... Я хотел бы сделать заявление.

– Вы имеете в виду заявление о преступлении?

– Мне кажется, я был свидетелем нападения.

– Вам кажется?

– Все произошло ночью, было темно.

– Где это случилось?

– На Хеннепин-авеню, в районе Седьмой и Хеннепин, знаете, там еще книжный магазин «Мунбим Букс».

– Что вы там делали?

– Я шел домой.

– Пешком?

– Да, я живу на Пятой улице.

Сержант, которого, судя по имени на карточке, звали Л. Кроуч, достал из выдвижного ящика бланк заявления, расправил его на столе и вынул ручку из кармана рубашки.

– Хорошо, сэр. Начнем с самого начала. Ваше имя, фамилия и адрес.

Саймон назвал.

– Итак, вы заявляете о нападении?

– Ну, в общем да.

– Что-то вы не очень уверены.

– Я вполне уверен.

– Вы знакомы с пострадавшим?

– Да, его зовут Фил.

– Фил, а фамилия?

Саймон смутился:

– Проста Фил, я не знаю его фамилии.

– Вы знаете его адрес?

– Не совсем, то есть у него нет адреса, он бездомный.

Сержант Кроуч положил ручку и скептически посмотрел на Саймона.

Тот смутился еще больше и покраснел.

– Но вы его знаете?

– Я познакомился с ним полгода назад. Я, конечно, не очень хорошо его знаю, но все-таки знаю.

– А нападавшего?

Саймон покачал головой.

– Сколько было нападавших?

– Один.

– Опишите конкретно, что произошло.

Саймон глубоко вздохнул.

– Было темно, я не мог рассмотреть четко. Он поднял его над землей, я видел, что Фил в беде.

– А что делали вы?

Саймон вновь покраснел:

– Я испугался и убежал.

Сержант пристально посмотрел на него и что-то записал в бланке.

– Откуда вы знаете, что Фил пострадал?

– Знаю.

– Когда это случилось?

– Вчера, после одиннадцати.

– После одиннадцати. – Сержант посмотрел на часы. – Это было семь часов назад.

– Я знаю.

– А что вы делали с тех пор?

– Я убежал, я был очень испуган. Я пошел в ночлежку на Одиннадцатой улице.

– Но они в одиннадцать закрываются.

– Тем не менее меня впустили.

– И вы решили, что следует сделать заявление?

– Да.

– Вы потом видели Фила?

Саймон покачал головой:

– Я ходил туда сегодня утром. Там ничего нет. Ни малейшего следа.

– Итак, он пропал.

– Да, он пропал.

– Быть может, он жив-здоров.

– Нет, я видел, как на него напали.

– Но вы не видели, что именно произошло.

– Нет, не видел.

– Где вы были до того, как стали свидетелем нападения?

– Я был на вечеринке, на Парк-авеню.

– Вы рано ушли?

– Да.

– Вы там пили?

– Я выпил пару бокалов пива, и все.

– Что-нибудь еще?

– Нет.

– Наркотики?

– Нет.

– Может, вы были под действием наркотиков, когда стали свидетелем нападения?

– Нет!

– А сейчас вы в нормальном состоянии?

– А что, я похож на ненормального или на наркомана?

Несколько секунд сержант хранил молчание, потом положил ручку на стол.

– То, что вы не можете найти своего знакомого, еще не означает, что с ним что-то случилось.

– Я видел, что случилось.

– Обычно бездомные люди не имеют обыкновения докладывать о своих передвижениях.

Он может быть сейчас где угодно.

Саймон покачал головой.

– Вы возвращались на место нападения?

– Да, перед тем, как прийти сюда.

– Были ли там какие-нибудь свидетельства того, что вашему знакомому причинен вред?

– Нет. В этом-то и дело. Он просто пропал.

– Я так и думал.

– Но я знаю, что я видел. Это существо подняло его и, черт вас побери, съело! От Филадельфии осталась одна вода.

Сержант поджал губы и кивнул.

– Хорошо, сэр, успокойтесь. Одну минуту.

Он поднял трубку и набрал две цифры. Улыбнувшись Саймону, он сказал в трубку:

– Это Кроуч из приемной. Тут у меня сидит молодой человек. Он хочет вам кое-что рассказать. Может, вы спуститесь?

Повесив трубку, он снова улыбнулся и сделал запись в бланке. Сзади раздались шаги, и Саймон, обернувшись, увидел двух молодых полицейских.

– Он говорит, что видел, как съели его друга. Я хотел бы задержать его как свидетеля до выяснения всех обстоятельств. Отведите его наверх и посадите в шестой номер.

Саймон был так изумлен, что даже не стал сопротивляться и протестовать, когда полицейские профессионально заломили ему руки за спину.

– Вы что, меня арестовываете? – только и спросил он.

– У вас была трудная ночь, сэр. Я хочу, чтобы вы хорошо обдумали то, что вы видели.

- Могу ли я позвонить?
- Да, там есть телефон, возле камер. Приятного времяпрепровождения.

4

В шесть часов вечера дежурный офицер постучал по прутьям его камеры. Саймон встал с нар, потянулся и подошел к двери. Офицер открыл дверь, и Саймон вышел.

– Мы выпускаем вас, мистер Бабич.

Саймон прошел за офицером вдоль ряда камер и спустился по узкой лестнице в комнату выписки. Женщина за стойкой подала ему пакет с его вещами. Саймон открыл его и высыпал содержимое на стойку. Бумажник был таким же худым, как утром. Он посмотрел на женщину, выдававшую вещи. Она нахмурилась, и Саймон понял, что она не оценит шутки, поэтому ничего не сказал о стодолларовых купюрах, якобы бывших у него в бумажнике.

– Все? – спросила она.

– Да, спасибо.

– Распишитесь.

Саймон расписался. Когда он обернулся, офицера, сопровождавшего его, уже не было, зато на скамейке у двери сидела Ребекка Ратман. Она встала и улыбнулась. На ней была коричневая кожаная куртка пилотов-бомбардировщиков, так называемый «бомбер», синие джинсы и черные ботинки. В других обстоятельствах Саймон с удовольствием подольше задержал бы на ней взгляд.

– Я позвонила, и мне сказали, что вас выпускают.

– Так я есть.

– Как вы себя чувствуете?

– А как я выгляжу?

– Не очень хорошо.

– Это случается, когда чувствуешь себя полным дерьмом.

– Вы злитесь?

– Что вы, я просто вне себя от счастья.

– Мне очень жаль, хотя я рада, что вы заявили в полицию. Вам не поверили?

– Да, мне не поверили.

– А вы рассказали им...

– Я рассказал им все. Они подумали, что я под кайфом, что у меня глюки. Они послали туда машину и, конечно, ничего не нашли. Бездомные каждый день пропадают. Или тебе это неизвестно?

Бекки ничего не ответила, и он прошел мимо нее к дверям. На улице было прохладно, вечернее солнце отбрасывало длинные тени. Саймон сунул руки в карманы.

– У тебя никаких новостей насчет Филя?

– Никаких, но это не значит...

– Черт!

– Саймон, я видела тебя прошлой ночью...

– Я уже сказал тебе, что был трезв.

Ребекка поджала губы и сделала вид, что поправляет шарф.

– И что ты собираешься делать?

– Пойду домой и лягу спать.

Она кивнула:

– Я тут подумала, может, если ты хочешь, мы поищем Филя вместе?

– Я же сказал тебе, что случилось с Филом.

– После твоего звонка утром я перезвонила в полицию и поговорила с сержантом. Он говорил, будто ты рассказал ему, что Филя съели, и осталась только вода.

– Богатое воображение, не правда ли?

- Если мы поищем его, то...
- Захвати губку и ведро, мы его соберем.
- Перестань психовать.

Саймон присел на ступеньку и улыбнулся проходящим мимо полицейским. Бекки села рядом.

- Если ты не перестанешь так вести себя, то скоро опять окажешься за решеткой.
- Да, и что же мне делать?

– Я об этом думала. Кроме того, чтобы помочь мне поискать Фила, ты мог бы поговорить с Джеком Холденом. Ты знаешь Джека Холдена?

– Нет. Я имею в виду, что не знаком с ним лично. Я знаю о нем из газет и все такое. «Уличный листок», да?

– Да, верно. Он мог бы поместить объявление. Если Фил жив, он обязательно его прочтет. В любом случае, если кто-то нападает на бездомных, Джек может опубликовать предупреждение.

Саймон кивнул:

- Ладно. Где он живет?
- На углу Седьмой и Хеннепин. На вывеске написано: "Квартира Джека".
- Да, я знаю, где это. Так я и сделаю.

Пару секунд она вопросительно смотрела на него, потом кивнула:

- Вот и прекрасно.
- Ты не составишь мне компанию?
- Мне надо в ночлежку.
- А зачем ты пришла сюда?

Она покраснела и отвела взгляд.

– Хотела убедиться, что ты в порядке. Я чувствовала себя виноватой, ведь это я уговорила тебя пойти в полицию.

- Я в порядке.
- Ну и хорошо.

Саймон встал и потер руки.

– Я, пожалуй, пойду.

Она тоже встала и посмотрела на него, не говоря ни слова. Саймон кивнул ей и стал спускаться. Внизу он остановился и повернулся к ней:

- Я мог бы иногда заходить в ночлежку, навещать тебя, так, на всякий случай.
- Заходи, конечно, если хочешь.
- Или мы могли бы сходить куда-нибудь вместе. Ты любишь кино?
- Ну да, конечно. Когда фильм хороший.
- Ну и хорошо. Я позвоню.

Она помахала ему на прощание. Саймон перешел улицу и направился в сторону Николет. В лицо ему дул резкий и холодный ветер. Переходя Николет, он чуть было не попал под автобус. Водитель высунулся из окна и покрутил пальцем у виска:

– Ты что, ослеп?

К вечеру заметно похолодало. Вдруг перед глазами Саймона встала утренняя толпа бродяг. Интересно, подумал он, как они спасаются от холода в течение долгого дня? Когда он наконец добрался до Хеннепин, лицо у него просто окоченело.

Джек жил в угловом помещении на первом этаже многоквартирного дома на углу Седьмой улицы и Хеннепин-авеню. История его жизни широко освещалась не только в местной, но и в межрегиональной прессе. Джек Холден, семидесятилетний пенсионер, выпускал ежедневный листок новостей, бесплатно распространяемый в приютах, на раздачах бесплатного супа, на перекрестках и вообще везде, где только можно. Тридцать лет он проработал репортером

в «Стар трибюн» и вышел на пенсию в 1990 году, вскоре после смерти жены. В течение года он путешествовал по стране и вернулся домой скучающий и разочарованный. В июне 1991 он арендовал помещение, где раньше была парикмахерская, перевез туда стол, шкафы, компьютер с лазерным принтером, ксерокс и стал издавать «Уличный листок». Пять дней в неделю он писал, редактировал, копировал и бесплатно распространял свой листок новостей. В каждом выпуске помещалось расписание работы ночлежек, бесплатных кухонь, личные объявления и многое другое. Джек даже предоставлял место для сотни абонентских ящиков, для всех желающих, и тоже совершенно бесплатно.

Когда Саймон вошел, над дверью зазвонил колокольчик. Джек Холден, которого Саймон сразу узнал по многочисленным фотографиям в газетах, оторвал взгляд от монитора и посмотрел на гостя. В зеркале, остававшемся на стене еще со времен парикмахерской, Саймон увидел свое отражение. Вид у него был неважный, да и чувствовал он себя в точности как выглядел. Джек улыбнулся. Улыбка его была искренней, теплой и добродушной.

– Дерьмово выглядишь, сынок. Присаживайся.

Саймон вздохнул и с удовольствием опустился в кресло возле стола.

– Хочешь кофе? – спросил Джек.

– Нет, спасибо.

– Тогда чем могу быть тебе полезен?

– Ну, вообще-то меня к вам направила Бекки Ратман, знаете, из ночлежки на Одиннадцатой улице.

– А, так ты, наверное, Саймон? Бекки мне звонила.

– И что она вам сказала?

– Сказала, что с вашим общим знакомым, Филом, приключилась какая-то неприятная история. Я не совсем понял. Ты хотел мне ее рассказать?

– Да.

– Я не видел Фила уже несколько месяцев.

– Я иногда с ним встречался.

– Ну и как он?

– До вчерашнего вечера все было в порядке.

– До вчерашнего вечера, говоришь? Из-за этого ты ко мне пришел?

– Я кое-что видел – кое-что, о чем, мне кажется, вам стоит рассказать в своем «Листке».

– Да? И что же?

Саймон глубоко вздохнул:

– С Филом случилась беда.

Джек нахмурился:

– Вот как?

– Мне трудно вам объяснить.

– Понимаю.

– Это похоже на сумасшествие.

– Так ты мне расскажешь или я должен угадывать?

– Было темно. Это было в переулке за «Мунбим Букс».

– Так, дальше?

– Что-то держало его на весу. Сжимало его. А потом его не стало. – Не стало?

– Это что-то его съело.

– Что?

Саймон потер лицо ладонями.

– Простите меня. Я и сам не совсем ясно себе представляю, что произошло. Я бы с удовольствием сформулировал это по-другому, но у меня не получается. Я не могу придумать ничего, что звучало бы более разумно. Там, в переулке, было что-то, похожее на человека,

только это был не человек. Это существо обхватило Филя, словно закутало его в какую-то простыню. Оно сжимало его, потом на землю полилась вода, а Фил исчез. Оно повернулось и увидело меня. Я убежал.

– И ты был трезв?

– Да.

– А в полиции тебе, конечно же, не поверили?

– Нет, не поверили. Там не осталось ничего, никаких следов. Ни Филя, ни тела – ничего.

– И тебя бросили за решетку.

– Да. Это все, что я видел, и все, что я знаю. Мне нравился Фил. И я подумал, что надо рассказать вам. Ведь если по улице ходит какой-то говнюк и убивает людей, то надо рассказать об этом всем, надо же что-то делать.

– Ты сказал, что это был не человек.

– Да я сам толком не знаю, что это было.

Джек очень пристально смотрел на Саймона, и выражение его глаз отчего-то очень не понравилось Саймону. По спине у него пробежали мурашки.

– В чем дело?

– Я тебе верю.

Саймон недоверчиво посмотрел на Джека.

– Вы шутите, – сказал он.

– Ничуть, две вещи говорят в твою пользу. Во-первых, я вижу, что ты очень встревожен и не лжешь, а во-вторых, ты понравился Бекки.

– Это правда?

– Да, это правда, и это очень хорошо.

– И что вы напишете?

– Для начала напишу, чтобы люди были настороже и держались подальше от всего, что им покажется странным или подозрительным, от тех, кто им незнаком.

– Но это смахивает на всеобщую паранойю.

– Очень может быть. Но ведь за этим ты сюда и пришел, верно?

– Ну, в общем, да.

– А ты сам что собираешься предпринять?

– Ну, я не знаю. Я же пришел к вам, разве этого недостаточно?

– На этот вопрос ты себе сам ответишь.

Саймон покраснел и пожал плечами.

– Мы говорили об этом с Бекки. Она считает, что нам надо бы поискать Филя, на всякий случай. Я мог бы завтра этим заняться. У меня есть пара друзей, которые могли бы помочь.

– Что ж, наверное, это будет полезно. В понедельник я помещу в «Листке» предупреждение. Я бы сказал, начало достойное.

Саймон кивнул, встал и направился к двери. Когда он открыл ее, ему в лицо ударил порыв ветра пополам с дождем. Он повернулся к Джеку:

– Можно я иногда буду к вам заходить?

Джек кивнул:

– Всегда буду рад, мой юный друг.

После ухода Саймона Джек еще долго сидел, уставившись на дверь, и смотрел, как по стеклу стекают капли дождя. На улице быстро темнело.

Он подумал о тех несчастных, живущих на улице, о тех, кому предстояла длинная, холодная, сырая ночь. Темная ночь.

Даже тем немногим счастливицам, которые знают, когда и в какую ночлежку можно пойти, придется ждать еще час, прежде чем их туда пустят. От такой жизни кто угодно отча-

ется. И подумав об этом, он вновь позавидовал внутренней силе и твердости этих людей, потому что очень непросто жить такой жизнью день за днем, месяц за месяцем, год за годом.

И еще он подумал, что сам не вынес бы подобной жизни. Сегодняшняя ночь казалась более зловещей и темной, чем была на самом деле. Отчасти в том была виновата приближающаяся зима. Одна мысль о ней может испортить настроение любому. Но в основном это было из-за рассказа Саймона о странном и ужасном исчезновении Филадельфии. Джек напечатал объявление, сбросил его на дискету и выключил компьютер. Когда утихло жужжание вентилятора процессора, кабинет наполнился неестественной тишиной. Джек взял телефон и набрал номер ночлежки на Одиннадцатой улице. После третьего звонка трубку сняла Бекки.

– Привет Бекки, это Джек. Ты очень занята?

– Привет, Джек. Нет, не очень. Из-за дождя мы открылись пораньше, и у нас уже больше нет мест. Ты хотел кого-то прислать? Попробуй позвонить в Армию Спасения, может, у них осталась пара свободных коек.

– Нет, дело не в этом. Просто у меня только что был Саймон Бабиш.

– Вот оно что.

– Ты была права, он приятный парень.

– Он тебе рассказал?

– Да.

– Ну и что ты об этом думаешь?

– Я не сомневаюсь, что он говорит правду. Он очень встревожен исчезновением Филадельфии, да и я тоже. Я пообещал ему в понедельник поместить в «Листке» объявление.

– Замечательно.

– Он сказал, что вы с ним хотите поискать Филадельфию.

– Да, мы собирались.

– Я думаю, это надо сделать, Бекки, только будьте осторожны.

– Ты считаешь, все это было на самом деле?

– Я не знаю, но мне бы очень не хотелось, чтобы ты удостоверилась в этом на собственном опыте. Полиции на это плевать, и будет плевать, даже если пропадет сотня Филадельфий. Но мы не имеем права отнестись к этому наплевательски, ведь Фил один из нас. Вы приняли правильное решение, просто будьте предельно осторожны.

– Он не говорил, не собирается ли он позвонить мне?

– Он это подразумевал. Я думаю, он позвонит. Что бы ни случилось, держите меня в курсе.

Джек положил трубку и задумчиво потер подбородок. Потом откинулся на спинку кресла и потер переносицу. Он кое-что утаил от Бекки и Саймона. История, рассказанная Саймоном, потрясла его гораздо сильнее, чем он показал, и он верил в нее куда больше, чем сам хотел бы признать. Кроме тех двух причин, которые Джек назвал Саймону, для этого имелась еще и третья – но о ней он ни словом не обмолвился ни Бекки, ни Саймону. Джек открыл ящик стола и достал полупустую бутылку «Джонни Уокера» с красной этикеткой. Допив остатки холодного кофе, он налил в чашку на три пальца виски и одним глотком выпил половину. История, рассказанная Саймоном, была не такой уж невероятной. На самом деле Джек ждал ее вот уже двадцать лет. И почему-то ему показалось, что эти двадцать лет пролетели как одно мгновение. Он повернулся в кресле и открыл нижний ящик среднего шкафа. Там не было папок с бумагами – ящик был набит микрокассетами от диктофона, оставшимися еще с тех дней, когда Джек работал сначала в «Стар», потом в «Трибюн», а затем уже в «Стар трибюн». Он начал перебирать их, просматривая даты и пометки, пока наконец не нашел то, что искал: «16 июля 1975 года, пятница. История Пита Т». Джек закрыл ящик, положил кассету на стол, допил виски и налил еще. Минута ушла у него на то, чтобы найти старенький карманный диктофон,

пять минут – на поиск сетевого адаптера, а когда все было готово, ему потребовалось еще пол-чашки виски» чтобы набраться смелости и включить воспроизведение.

В конце концов он погасил верхний свет, оставив только настольную лампу, откинулся в кресле и включил диктофон. Из динамика раздался его собственный голос, молодой, полный напора, желания достигнуть чего-то, поразить этот старый, жестокий мир. Теперешний Джек был совсем не похож на себя молодого. Он давно уже оставил попытки поразить мир; правда, на это у него ушло довольно много времени.

«Шестнадцатое июля 1975 года, пятница. Девять часов двадцать минут вечера, – сказал его голос. – Интервью с Питом... Как, вы сказали, ваша фамилия?»

«Пит Ти», – ответил другой, более хриплый голос.

Двадцать лет назад, когда Джек был на ночном дежурстве в отделе новостей, в редакцию пришел старик, рассказавший ему эту историю. Этого старика ни один человек в здравом уме не стал бы и слушать. Бродяга. Так их называли в то время. Не было никаких бездомных, а были бродяги и попрошайки. Так вот, это был бродяга, он явился в редакцию прямо с улицы, воняя дешевой выпивкой, блевотиной и бог знает чем еще. Он сказал, что в полиции ему не поверили. Но было видно, что он сильно испуган. Очень сильно испуган. Так же, как двадцать лет спустя был испуган Саймон Бабич. А Джек давно понял, что, если человек испуган, его историю стоит послушать. Интервью с Питом Ти, человеком без определенного места жительства.

– Итак, Пит, вы говорите, что прошлой ночью стали свидетелем чего-то ужасного!

– Он убил Малыша Тони.

– Кто такой Малыш Тони и кто его убил?

– Малыш Тони. Мальчик. Мы с ним сидели в переулке за гостиницей.

– «Рэдиссон»?

– Да. Вот Тони и говорит: «Пит, сходи-ка принеси нам чего-нибудь пожрать». Ну я и говорю, мол, ладно, и пошел. А когда вернулся, он уже его убивал».

– Кто его убивал?

Тишина. Джек сидел, уставившись на диктофон. Его шея и плечи покрылись мурашками. Было мучительно слышать эти голоса из прошлого. Он взял чашку с виски и сделал большой глоток, но на этот раз алкоголь не помог ему снять напряжение.

– Он его ел.

– Он ел Тони?

– Как будто всасывал.

– Куда всасывал?

– В себя.

– Погодите, давайте сначала. Кто это был?

– Малыш Тони.

– Да нет, черт возьми, другой. Вы узнали его?

Какие-то хрюкающие звуки.

– А узнали бы, если бы снова увидели?

– Я не видел его лица.

Раздраженный вздох молодого Джека.

– И что же вы хотите от меня?

– В полиции меня даже слушгть не стали. Им насрать на Малыша Тони.

– Ну, знаете ли...

Тогда Джеку это показалось единственным достойным ответом.

– Оно его съело.

– Оно?

Медленный, огорченный вздох. Джек вдруг поймал себя на том, что сидит не дыша. Очень осторожно он выпустил воздух из легких.

– Я, пожалуй, пойду, – тихо сказал на пленке Пит Ти, наверное, давно уже умерший и всеми забытый.

– Одну минутку. Подождите. Если, как вы говорите, это был не человек, то кто же?

– Вампир!

– Господи, Боже! – сказал Джек с отвращением.

– Его съел вампир, – повторил Пит Ти.

Щелчок и тихое шуршание пустой пленки. Джек не стал выключать диктофон, так же как не выключил его после этих слов двадцать лет назад. Но все-таки он пошел с Питом в переулочек, чтобы своими глазами посмотреть, что к чему. Они не нашли никаких признаков того, что Малыш Тони вообще когда-либо существовал на этом свете, ни малейшего намека – и Джек потерял к Пити всякий интерес.

Но он навсегда запомнил его страх. Страх – одна из постоянных составляющих этого мира, и ему всегда можно верить. Пит был очень напуган. Саймон Бабич тоже напуган, и его история так похожа на историю Пита, что можно подумать, будто он подслушал ее двадцать лет назад.

И что же это значит?

Да, Джек, крутой репортер Джек, что это значит? *Что это значит?*

Это значит, что существо, из-за которого двадцать лет назад исчез никому не известный бродяга, до сих пор бродит по темным переулкам, и из-за него до сих пор пропадают люди, которых никто не хватится. Связанные вместе, эти два исчезновения становились поистине ужасными и намекали на то, что за двадцать лет одному только Богу, или лучше сказать Дьяволу, известно, сколько еще пропало никому не нужных, всеми позабытых людей. А почему они пропадали? «Оно его съело», – сказал испуганный и растерянный Пит Ти. «Оно его съело», – двадцать лет спустя повторил испуганный и растерянный Саймон Бабич. Вампир?

Джек засмеялся, но тут же умолк и потянулся за бутылкой. В конце концов смешного в этом довольно-таки мало.

5

В субботу, в семь тридцать вечера, Ричард Карниш позвонил секретарше и попросил ее подняться к нему в кабинет, чтобы обсудить его предстоящую поездку. Мисс Коломбо, которая вот уже пять лет была его личным секретарем, сказала, что явится незамедлительно. При обычных обстоятельствах она, разумеется, не находилась бы у него дома субботним вечером, но эта поездка не была спланирована заранее, и поэтому ей пришлось делать все необходимые приготовления в последний момент.

Когда мисс Коломбо говорила «незамедлительно», она и имела в виду «незамедлительно»; и не прошло и минуты, как он услышал стук ее каблучков по коридору, ведущему в его личные комнаты. Потом раздался стук в дверь. Карниш, который стоял у окна, глядя, как последние отблески дневного света исчезают с неба, повернулся и сказал:

– Войдите.

Мисс Катрин Коломбо вошла. Она, как обычно, была одета в серые шерстяные брюки и такой же блейзер, белую блузу с темно-синим воротничком и черные лакированные туфли на высоком каблуке. Минимум косметики – только чтобы подчеркнуть и увеличить глаза, по правде говоря, довольно маленькие и близко посаженные, и немного губной помады, чтобы оттенить бледность лица. Ее средней длины ухоженные ногти были покрыты алым лаком. Черные, крашенные волосы собраны в аккуратный пучок. Тридцать восемь лет, очень энергичная и деловая. Не замужем, но имеет постоянного любовника, который на два года ее моложе и работает аналитиком в «Карниш секьюритиз». Карнишу было также известно, что ей нравятся мужчины еще моложе, совсем юные мальчики, и что она частенько удовлетворяет эту свою страсть. Ее любовник ничего об этом не знал, мисс Коломбо была очень осмотрительной женщиной. Конечно же, этот порок, забавы ради, почти три года назад посадил в ее мозг Карниш. С тех пор он с интересом наблюдал, как это увлечение переросло в одержимость и стало занимать почти все ее свободное время. Если так пойдет дальше, через год, максимум через два, в качестве работника она станет бесполезна для Карниша. Она тоже это осознавала, и ее попытки противостоять искушению обещали стать весьма занимательным зрелищем.

Она принесла с собой легкий аромат «Шанели». Мисс Катрин Коломбо нравилась Карнишу в не большей степени, чем любое другое человеческое существо, но ее присутствие он мог еще кое-как терпеть, особенно если это было необходимо.

Она открыла блокнот и приготовила ручку.

– Вы говорили, что возникли какие-то сложности с отелем? – спросил он.

– Я уже все уладила. Просто сначала вам хотели дать номер на южной стороне. Я забронировала для вас апартаменты в северо-восточном углу здания.

"А вот это хорошо, – подумал Карниш. – Меньше солнечного света. И приближение ночи будет заметнее".

– А что миссис Герберт?

– Мне так и не удалось с ней связаться. Я предполагаю, она собирается встречать вас в отеле, но буду продолжать попытки с ней связаться.

– Это не столь важно. Если что, я и сам смогу разобраться.

– Звонил мистер Томпсон и спрашивал, не собираетесь ли вы. зайти в тамошнюю контору. Я сказала, что вы летите по личным делам, и что посещение конторы в ваши планы не входит. Разумеется, в вашем распоряжении круглосуточно будет находиться автомобиль с шофером. Ваш самолет готов к вылету в любое время, но я сказала пилотам, что вы не появитесь раньше половины девятого. Это дает вам лишние тридцать минут до отъезда. Вы улетаете из Детройта в понедельник в пять часов утра по местному времени и прибываете в Миннеаполис в пять тридцать по нашему времени.

- Отлично.
- Надеюсь, поездка будет удачной, сэр.
- Я в этом уверен. Вы можете быть свободны. Я жду вас в понедельник, после девяти утра.
- Спасибо, сэр.

Мисс Коломбо улыбнулась и вышла из кабинета. Карниш сел за стол. На столе лежала папка, набитая вырезками из детройтской прессы за последние три месяца. Он открыл ее и погрузился в чтение.

Первый труп, труп тринадцатилетней негритянской девочки по имени Дорис Робинсон, был найден на пустыре в центре Детройта, и хотя полиция предпочитала не вдаваться в детали, дотошные журналисты выяснили всю правду. Из тела была выкачана почти вся кровь. По заключению судебно-медицинского эксперта смерть наступила в результате остановки сердца из-за резкого падения кровяного давления, вызванного большой потерей крови. Единственными видимыми повреждениями, кроме следов уколов на руках и ногах, были две колотые ранки на шее, как раз там, где проходит сонная артерия. Но на месте преступления пятен крови найдено не было. Заголовок гласил: «Вампир в городе». Статья позабавила Карниша, но вместе с тем и заинтриговала. Смешно, что даже сейчас, по прошествии веков, старый, как мир, миф о клыках и сосании крови не изменился ни на йоту, и стоит только появиться чему-то похожему, как тут же люди заводят разговор о вампирах. Такой странный и забавный мир. А заинтриговала она его потому, что несмотря на то, что все эти ранки и потеря крови ничего общего не имели с действительностью, они могли быть знаками, которыми вампир воспользовался, чтобы дать знать о своем существовании другим, подобным себе существам. «Несмотря ни на что, мы самые большие рабы предрассудков», – подумал он.

Впрочем, одно убийство еще ничего не значит, и Карниш решил подождать. Долго ждать ему не пришлось. Второй труп был обнаружен через неделю, еще через две – третий. Все убийства были совершены в центральной части города, и жертвами неизменно оказывались молодые женщины. Две из них были проститутками, третья – умственно отсталая бездомная девочка. Все они умерли от потери крови. После третьего случая Карниш серьезно задумался над тем, что происходит в Детройте. Все совпадало. Все жертвы были из того социального класса, какой выбрал бы и он. Их исчезновение никого не беспокоит. Он, конечно, понимал, что при обычных обстоятельствах ни он сам, ни ему подобные существа не стали бы оставлять таких явных улик. Это могло означать две вещи. Первое: какой-то психически ненормальный, хотя и не лишенный чувства юмора человек имитировал нападения вампира в каких-то своих, личных целях, возможно, ради удовольствия и развлечения. Второе: это настоящий вампир. Он оставил улики, наводящие на мысль о вампиризме, и сделал это для того, думал Карниш, чтобы привлечь внимание таких же, как он. Он посмотрел на северную стену своего кабинета, заставленную всевозможными книгами, посвященными вампирам; большинство из них были чистой фантастикой. Мифы и сказки о вампирах издавались и переиздавались множество раз. Его коллекция была далеко не полной, хотя насчитывала сотни, если не тысячи работ, посвященных этой теме. Вымысел или правда, она веками занимала ум человечества, этой потенциальной жертвы, а у человечества, как было известно Карнишу, весьма богатое и живое воображение. Истина была одновременно и более непонятной, и более приземленной.

Ричард Карниш не имел представления, сколько ему лет. По его прикидкам выходило около двухсот, хотя у него и не сохранилось никаких воспоминаний о тех далеких временах. Он остановился на этой цифре, когда после долгих изысканий наткнулся на статьи в лондонских газетах тех лет, где описывался способ действия, очень схожий с его собственным. То есть жертвы, которые исчезали без следа, были из низших слоев общества, нищие и бродяги.

А на самом деле его память охватывала лишь последние пятьдесят лет, и все это время он помнил себя вполне взрослым человеком, который с тех пор почти не изменился, только переехал в Нью-Йорк. До середины пятидесятых он носил имя Томас Карниш; этот персонаж

потом незаметно исчез, оставив все состояние своему сыну Ричарду, который жил в Миннеаполисе. На памяти Карниша это был единственный раз, когда он изменил имя, место жительства и вообще якобы стал другим человеком; сделал он это сразу, как только понял, что не стареет, а это верный способ привлечь к себе нежелательное внимание.

В отличие от вампиров из сказок он не мог вернуть свои жертвы к жизни. Никто из тех, кого он съедал, не вернулся к жизни ни в каком виде. Их смерть была полной, полной и окончательной, поскольку от них не оставалось и следа. У него не было клыков, и вообще он использовал рот исключительно для произнесения слов. Процесс поглощения жертв во многом оставался загадкой для него самого; отчасти это происходило на физическом, отчасти – на каком-то сверхъестественном, ментальном уровне, так он предполагал. Он поглощал мясо и кости, кровь и даже одежду – оставалась только вода.

Карниш не имел четкого представления о том, как он стал тем, чем являлся сейчас. У него не сохранилось воспоминаний о каких-либо изменениях, произошедших с ним. Ему казалось, что он всегда был таким. Если бы он поглубже над этим задумался, то, наверное, пришел бы к выводу, что все-таки был рожден, а не создан кем-то. Рожден, да – но не женщиной. Это абсолютно точно.

Карниш был буквально одержим литературой о вампирах. И все, что он читал, убеждало его в том, что он и есть самый настоящий вампир. Положительной стороной такого существования была возможность контролировать сознание людей и животных, манипулировать ими или по крайней мере подталкивать их к тем или иным поступкам. И разумеется, его бессмертие – или опять же по крайней мере очень большая продолжительность жизни. На этом плюсы кончались и начинались минусы: вид христианского распятия наводил на него просто кататонический ужас; даже просто имя Христа, произнесенное в разговоре с ним, было ему очень неприятно. Солнечный свет причинял ему настолько сильную боль, что даже после мимолетного попадания на него прямых солнечных лучей он на несколько дней выходил из строя, и у него не было ни малейшего желания выяснять, к чему может привести их более длительное воздействие. От запаха чеснока он напрочь лишался способности соображать, голова начинала кружиться, и накатывала такая дурнота, что он не мог даже двигаться. Пока ему не представился случай испытать на себе действие святой воды и осинового кола, но он догадывался, что они могут причинить ему очень серьезный вред. Карниш знал, кто он такой, но понимал свое состояние даже меньше, чем люди понимают свое.

Приведенные в книгах подробные описания способов борьбы с вампирами навели его на мысль, что он и ему подобные уже довольно долго охотятся на людей и что люди знают о них, знают, как с ними бороться и как их уничтожать. В этом крылся источник его постоянного страха, именно поэтому он ел бродяг и тех, кого точно не будут разыскивать. Этот страх заставлял его тщательно следить за тем, чтобы не привлечь ни малейшего внимания к своей истинной сущности.

Книги о вампирах были одним из немногих доступных ему удовольствий. В них он обретал славу, могущество, любовь – все, чего был лишен в повседневной жизни, а главное, что на страницах этих книг он находился в обществе себе подобных, и это было как бальзам для самой болезненной раны его существования – одиночества. За все время, что он себя помнил, Карниш ни разу не встречал своего сородича. Он был одинок в этом мире. Если бы не страх смерти, страх, далеко превосходящий ничтожный страх перед смертью всех его жертв, он бы давно лишил себя жизни, если это вообще было возможно. И Карниш проводил свои дни, просматривая поступающую со всего света информацию в поисках каких-либо сигналов о существовании других таких же, как он, существ. Таких сигналов, как те, которые были получены из Детройта.

По правде говоря, ехать в Детройт надо было гораздо раньше. Но чем дольше он оттягивал эту поездку, тем дольше мог наслаждаться надеждой, что в этом далеком городе его нако-

нец-то ждет тот подарок судьбы, о котором он столь долго и мучительно мечтал и который искал с таким тщанием. Но Карниш понимал, что вечно тянуть с этим нельзя. На зов надо ответить, иначе он прекратится. То, что прошлой ночью его увидели, послужило тем толчком, которого ему не хватало, чтобы поехать в Детройт. Когда через пару дней он вернется, будет уже ясно, удалось ли Саймону, Простаку Саймону, заставить кого-нибудь поверить в то, что он видел. В сегодняшней газете никаких сообщений не было, но в понедельник все выяснится. В любом случае ему скоро пришлось бы снова менять имя и место жительства. Сейчас ему уже семьдесят три года, и еще десяток лет, прожитых не старея, привлечет к его особе опасное внимание. Возможно, Саймон даже оказал ему своего рода услугу. Карниш встал из-за стола и подошел к окну. Небо на востоке стало темнее, он уже мог разглядеть звезды. Зазвонил телефон; после второго звонка Карниш поднял трубку. Звонил его шофер Эдвард: пора было ехать на аэродром. Карниш сказал, что спустится через минуту.

Положив трубку, Карниш вздохнул. Он ненавидел куда-то ездить. Но эта поездка была очень важна. Быть может, к утру он уже не будет одинок в этом мире. А ради этого Карниш был готов спуститься в самое сердце ада и вернуться обратно.

На Пятой улице стоял большой двухэтажный монстр – дом, в котором жил Саймон. В мансарде торчала из-под дранки полусгнившая пакля. Разноцветная черепица, черная и зеленая, была похожа на признаки какого-то отвратительного кожного заболевания. В холле Саймон слышал музыку, доносящуюся из комнаты Бобби, и почувствовал запах еды – впрочем, что именно готовится, сказать было трудно. Сначала он хотел зайти к Ронни, но потом передумал. Он очень устал и был не в состоянии объяснять, где был этой ночью и днем. Стараясь не шуметь, он стал подниматься по лестнице.

Открыв дверь, он вошел к себе. В квартире стоял нежилой запах. Радуюсь, что наконец-то добрался до дому, Саймон включил свет на кухне и сразу же отвернулся, чтобы не смотреть на кучу грязной посуды в мойке. Сколько времени она уже там валяется, он тоже предпочел не вспоминать. Вместо этого он прошел в комнату, включил стереосистему и поставил компакт с ранним Питером. Габриэлом. Убавив звук почти до минимума, он опустился в кресло рядом с колонкой, откинулся на спинку и закрыл глаза. Питер Габриэл оказался не очень кстати. Поэтому на середине первой песни Саймон выключил стереосистему. Наступила гнетущая тишина. Музыка из комнаты Бобби доносилась едва слышно, словно откуда-то из-за грани реального. Саймон подумал, что лучше бы Бобби тоже выключил звук. Он тяжело вздохнул, чувствуя в душе угнетенность и пустоту. За последние два месяца, что Саймон прожил в «Мондо Манор», как Бобби прозвал этот дом, его недовольство своей жизнью в целом еще больше усугубилось. Переезжая сюда вместе с Бобби и Ронни, он воображал, что бежит от чего-то, но сейчас уже забыл, от чего собирался бежать. Кстати, на вечеринке Бобби об этом упомянул. Что он там сказал? *Ты уже убежал.* «Убежать-то я убежал, – подумал Саймон, – но беда в том, что так никуда и не прибежал».

В свете из кухни предметы отбрасывали длинные тени. Они тянулись к Саймону. Он вдруг вспомнил о Филе, и его прошибла дрожь.

Оно его съело.

Саймон снова закрыл глаза и усилием воли заставил себя не думать о той ужасной тьме. Он просто не мог позволить себе о ней думать. Сейчас он был еще больше сбит с толку и растерян, чем тогда, когда все это произошло. Он принялся думать о Бекки и неожиданно поймал себя на том, что, думая о ней, он улыбается.

Странная женщина. Он почти ничего не знал о ней, кроме того, что она не принадлежит к его миру. В сущности, он не мог бы сказать, к какому именно миру она принадлежит. Даже не к миру его родителей. Здесь что-то совсем иное.

Как она сказала? *Выбери себе жизнь.* Что-то в этом роде, или станешь одним из этих бездомных неудачников, за которыми она там присматривает. Саймон покачал головой. Он не верил в такую возможность. Нет, мне до этого далеко.

Далеко? А где ты провел эту ночь, приятель?

Саймону было двадцать восемь лет. После школы он пять лет пробездельничал; пробовал работать то там то сям, почти год пропутешествовал, отказываясь решить для себя, каким должно быть его будущее. Родители Саймона, особенно отец, хотя и с большой неохотой, предоставили ему самому решать этот вопрос, и все эти пять лет он фактически сидел у них на шее. Наконец, в двадцать четыре года, Саймон сказал, что поступит в университет и станет преподавателем. Тогда он искренне верил, что принял правильное решение. Он был готов.

С переездом в «Мондо Манор» все изменилось. В определенном смысле это был шаг назад, и осмотревшись, он понял, что не хочет жить жизнью своих родителей. Он оказался не прав и впустую потратил четыре года. Только совсем недавно он понял, что не знает конкретно, чего ему хочется в этой жизни. Он сделал шаг назад и куда же попал? За дело принялись наркотики и алкоголь. Саймон понимал, что ступил на путь самоуничтожения, но не знал, как с него сойти. Что делать? Вернуться в университет? Уехать к родителям? Он понятия не имел, что надо делать, но знал, что теперешняя его жизнь ему совсем не по душе.

Он встал и устало потянулся, но спать ему еще не хотелось, была только половина девятого. На лестнице послышались шаги, затем раздался стук в дверь. Саймон тяжело вздохнул, включил свет и открыл дверь. Это был Бобби.

– Ну и где тебя черти носили? – сказал он вместо приветствия, потом прошел в кухню, огляделся, поморщился и направился в комнату.

– Ну, понимаешь... Я...

– Ну ты даешь! Я же беспокоился. Ты же сказал, что немного пройдешься, и сразу домой.

– Я встретил кое-кого, – сказал Саймон. Он имел в виду существо в переулке, но тут же его мысли переключились на Бекки.

– Да? И кого же?

– Девушку.

– Ага, и какую из них?

– Ты ее не знаешь.

Бобби упал на диван, закинул ногу на ногу и улыбнулся.

– Наверное, очень хорошенькая?

– Ничего себе.

– У тебя курнуть есть?

– Нет.

– А пиво?

– Посмотри в холодильнике.

– Я же в гости пришел, – обиженно сказал Бобби и потопал на кухню.

Едва он открыл холодильник, как входная дверь приоткрылась, и в квартиру заглянула Ронни.

– Мне показалось, я слышала здесь какой-то шум.

Бобби посмотрел на нее, улыбнулся, перевел взгляд на Саймона и многозначительно поднял брови. Ронни тем временем уже вошла в комнату.

– С пятницы не виделись.

– Ну, понимаешь, я... – глубоко вздохнув, начал Саймон.

– Он кое-кого встретил, – раздался с кухни голос Бобби. – Пива здесь нет.

– Пиво есть у меня, – сказала Ронни.

– Фил пропал, – сказал Саймон.

– Фил-Книголюб? – спросил Бобби, выходя из кухни.

- Да.
 - И куда он подевался?
 - Не знаю. Собираюсь завтра его поискать. Не хотите помочь?
 - Ты что, рехнулся? – Бобби широко ухмыльнулся. – Ты хоть представляешь себе, где ты будешь его искать? Забудь.
 - А кто такой этот Фил? – спросила Ронни.
 - Фил – это бродяга, для которого Саймон брал книги в библиотеке.
 - Фил не бродяга, он временно бездомный.
 - Я принесу пиво, – сказал Бобби.
 - Так вы мне можете?
 - Зачем тебе надо непременно влезать в это дерьмо? Ведь ты даже не знал его как следует.
 - Нет, я хорошо его знал. И я хочу его найти.
 - На меня не рассчитывай. Пивка?
 - Нет, не сегодня. Мне нужно поспать, я просто валяюсь с ног.
 - Ты что, серьезно?
 - Да, я просто...
 - Ты слишком много паришься.
 - Ну, извини.
 - Ты идешь, Ронни?
- Вероника посмотрела на Саймона, затем повернулась к Бобби.
- Я тебя догоню, – сказала она.
- Бобби покачал головой, вышел из комнаты и затопал вниз по лестнице. Ронни снова посмотрела на Саймона и подошла ближе.
- Ты действительно собираешься ложиться спать?
 - Да.
 - Составить тебе компанию?
- Она подвинулась еще ближе и прильнула губами к его губам. Ее губы были прохладными, она накрыла ими губы Саймона и страстно проникла языком в его рот. Саймон вдруг вспомнил Бекки и мягко отстранился.
- Не сегодня. Прости.
 - Ну, как хочешь, – сказала она со вздохом.
- Саймон проводил ее до порога, помахал на прощание, закрыл дверь и вернулся в комнату. Выключив свет, он сел в кресло, но вместо того чтобы снова включить музыку, взял с журнального столика, стоящего возле кресла, телефон. Подержав его с минуту на коленях, он поднял трубку и набрал номер ночлежки на Одиннадцатой улице. Саймон помнил его наизусть. На том конце трубку сняла Бекки.
- Это Саймон Бабич, – сказал он.
 - О, привет Саймон.
 - Я разговаривал с твоим приятелем.
 - Да, Джек мне звонил.
 - А... Ну, я просто подумал, что надо поставить тебя в известность.
 - Саймон?
 - Да?
 - Мне очень жаль, что ты угодил в камеру.
 - Наверное, я сам виноват. Я был груб и несносен.
 - Джек сказал, что в понедельник он напечатает предупреждение.
 - Отлично. Знаешь, я тут подумал и решил завтра пойти поискать Фила. Просто чтобы не оставалось сомнений.
 - Я бы тоже хотела поучаствовать.

– Это было бы замечательно. Только знаешь, с утра мне надо работать, поэтому давай начнем где-нибудь во второй половине дня.

– Ну что ж, отлично. А где ты работаешь?

– «Роадзуэй Букс».

– Это на Вашингтон-авеню? Комиссионный книжный магазин?

– Точно.

– Хорошо, давай встретимся возле муниципалитета.

Саймон кашлянул, чтобы прочистить горло.

– Э... Конечно, договорились. Ну, тебе, наверное, надо идти?

– Сейчас здесь работы нет.

– А-а...

Саймон улыбнулся. Ему совсем не хотелось ее отпускать. В этом странном киберпространстве, где происходят телефонные разговоры, между ними установилась некая связь, которая ускользнула от них при личной встрече.

– Может, это тебе надо куда-то бежать? – спросила Бекки.

– Нет.

– Ты один?

– Да, я один.

– Тогда расскажи мне о себе.

– А ты расскажешь мне о себе?

– Хорошо, только ты первый.

– Итак, что тебя интересует? – с улыбкой сказал он.

6

До аэропорта он доехал тихо, гладко и без происшествий. Эдвард вел машину не быстро, но и не слишком медленно, подчиняясь предписанному скоростному режиму. Он заранее пере-страивался в другой ряд и вообще был осмотрителен и осторожен. За последний месяц его манера вождения значительно улучшилась. Боязнь потерять работу, вложенная Карнишем в сознание Эдварда, дала положительный результат, но паранойя, к большому удовольствию Карниша, тем не менее еще не иссякла. В дороге Эдвард молчал, да Карниш и не ждал, что шофер заведет беседу. Сам он по пути до аэропорта просматривал последние новости детройтской прессы. Полиция Детройта, газеты и телевидение, ФБР и общественность – все свято верили в то, что в Детройте орудует серийный маньяк-убийца, имитирующий вампира. Впрочем, имелись люди, обожающие быть в центре внимания, которые, подхватив знамя убийцы, устраивали ночные бдения около морга, где находились трупы, и даже на кладбищах, где были похоронены жертвы. Участники этих ночных мероприятий в основном одевались в черное и делали себе очень бледные лица и красные глаза. Судя по всему, они все были фанатами вампиров. К одной из статей прилагался снимок небольшой группы людей, окруживших могилу Дорис Робинсон. Один из участников, подросток в черной накидке, с уложенными гелем и зачесанными назад волосами, держал плакат с надписью «Пожалуйста, следующий – я». Было одновременно и смешно, и страшно наблюдать это безумие.

В аэропорту Эдвард подъехал к ангару, принадлежащему «Карниш секьюритиз», где, заправленный и готовый к полету, стоял реактивный «Чесна Ситэйшн 5 джет». Стоя под ночным небом, Карниш дождался, пока последняя сумка, единственная из всех, собственноручно им упакованная, не была погружена в самолет. Командир экипажа, бывший пилот коммерческих авиалиний по имени Дэвид Линдси, вышел навстречу Карнишу и, пожимая ему руку, сказал, что они готовы взлетать, как только он пожелает.

– Сейчас, – сказал Карниш.

– Слушаюсь, сэр.

Карниш повернулся к Эдварду:

– Мисс Коломбо известила вас о времени моего возвращения?

– Да, сэр. В понедельник утром, сэр. Я приеду и встречу вас здесь, сэр.

Карниш улыбнулся и промолчал. «Может, приедешь и встретишь. А может, и нет». Он поместил эту мысль в голову Эдварда и с удовольствием посмотрел, как у того с лица сползает улыбка.

– Желаю вам, Эдвард, хорошо провести выходные, – наконец сказал он.

Эдвард кивнул:

– И вам того же, мистер Карниш.

Карниш поднялся по трапу и вошел в салон. Линдси закрыл за ним люк, Карниш сел в одно из восьми пассажирских кресел и пристегнулся. Линдси вошел в кабину пилотов, и из двери, ведущей туда, высунулась голова другого пилота; Карниш его не узнал, но все же кивнул ему в знак приветствия. Пилот кивнул в ответ, улыбнулся, и дверь в кабину закрылась. Через пять минут самолет вырулил на взлетную полосу. Капитан Линдси высунулся из пилотской кабины и предложил:

– Если хотите, мистер Карниш, я включу динамики в салоне, и вы будете в курсе происходящего.

– Нет, спасибо. Я предпочитаю тишину, и пожалуйста, погасите свет. Весь. И еще, мне бы хотелось, чтобы вы меня не беспокоили до тех пор, пока мы не приземлимся.

Линдси побледнел, кивнул и скрылся из виду. Дверь закрылась. Карниш знал, что теперь она не откроется, пока самолет не приземлится. Лампы в салоне погасли, за исключением над-

писи «Выход» над люком. Взревели двигатели, и Карниша вдавило в кресло. Самолет начал разбег и через несколько секунд был уже в воздухе. Прижавшись к иллюминатору, Карниш посмотрел вниз. Под ним, уходя за горизонт, расстилалось море огней, вибрирующее, наэлектризованное море людских жизней. Внезапно он ощутил приступ ностальгии. Ему очень не хотелось покидать Миннеаполис. За пятьдесят лет, прожитых им в этом городе, он здорово к нему привязался. Самолет взял курс на восток, по направлению к озеру Мичиган, и начал набирать высоту. Вскоре огни Миннеаполиса и Сент-Пола исчезли из виду. Теперь самолет окружала темнота, полная, ничем не нарушаемая, такая же глубокая и непроницаемая, как душа того, кому он принадлежал.

Почувствовав, что самолет начал терять высоту, Карниш вновь прижался лицом к иллюминатору. Впереди и внизу маячила группа огней, похожая на фары далекого автомобиля, разбрасывающие во все стороны мелкие лучики света. Детройт.

Самолет пошел на посадку. Огни стали больше, разбежались вдоль горизонта, разбиваясь на более мелкие скопления. Щелкнули динамики, и раздался голос капитана Линдси:

– Через пять минут приземлимся, мистер Карниш. Пожалуйста, пристегнитесь.

Карниш, улыбаясь про себя, послал в кабину пилотов черную волну страха. Картину того, как самолет, пролетев сквозь жилые дома, падает на землю. Он почувствовал реакцию пилотов. Наг долю секунды самолет завибрировал, словно задрожали держащие рычаги управления руки пилотов.

Но, конечно, самолет не разбился. Они снизились без происшествий и, мягко приземлившись в аэропорту Детройта, подкатили к: ангару «Карниш секьюритиз». Когда двигатели умолкли, Карниш отстегнул ремни. Дверь кабины пилотов открылась, и оттуда вышел Дэвид Линдси. Лицо у него было белее простыни, а воротничок рубашки – темным от пота.

– Капитан, благодарю вас за чудесный полет и мягкую посадку, – сказал Карниш.

Линдси слабо улыбнулся, кивнул в ответ, и Карниш вышел из самолета. Возле ангара его уже ждал автомобиль. Водитель – молодая чернокожая женщина в шоферской униформе – стояла рядом, облокотившись на капот. Увидев Карниша, она выпрямилась.

– Мистер Карниш? Меня зовут Вилла, я ваш шофер.

– Очень хорошо. У меня большой багаж.

– Я принесу, а вы, если хотите, подождите в машине. Я мигом.

Карниш кивнул, но в машину не сел, а остался смотреть, как багаж выгружают из самолета. Вилла оказалась сильнее, чем выглядела на первый взгляд, и взяла все три сумки сразу, а личный кейс Карниша сунула под мышку. Открыв багажник, она аккуратно уложила сумки и улыбнулась Карнишу своей широкой белозубой улыбкой.

– Все в порядке, мистер Карниш. Можем ехать.

Карниш забрался на заднее сиденье. Вилла села за руль и включила двигатель.

– Мне велели отвезти вас в отель.

– Прекрасно.

Вилла кивнула, по-прежнему улыбаясь, и тронула автомобиль. Они отъехали от ангара, проехали через охраняемые ворота и донесли по четырехполосному скоростному шоссе, ведущему к центру города. Карниш сидел, сложив руки на коленях, и молча смотрел, как мимо проносятся очертания зданий. После буферной зоны окружающих аэропорт гостиниц и ресторанов городской ландшафт быстро сменился пустырями, брошенными домами и свалками. Карниш тоже улыбнулся, глядя на них. Он был доволен.

– Вы остановились в центральном «Рэджис»?

– Верно.

– Это очень хороший отель. Там работает мой брат. Я уверена, вам там понравится.

– Я тоже в этом не сомневаюсь, но мне бы хотелось, чтобы вы не беспокоили меня, пока мы не приедем, – сказал Карниш и улыбнулся ей в зеркало заднего вида.

Ее глаза слегка расширились; темные зрачки казались островками, окруженными морем белизны. Она кивнула и все внимание сосредоточила на дороге. Путь от аэропорта до отеля занял полчаса, но Карниш не скучал, увлеченный рассматриванием окрестностей. «Здесь, – думал он, – кто-то бродит, как я, в темноте. Кто-то похожий на меня». Он отвергал общепринятую версию о маньяке, разыгрывавшем вампира, потому что ему была необходима хотя бы маленькая надежда. Он попытался представить себе, каково это – жить здесь. В отличие от Миннеаполиса, не совсем еще прогнившего, этот город был похож на разлагающийся труп, и каждый угол его буквально кишел отбросами общества. Просто какой-то «шведский стол», прямо «пир горой».

– Я найду тебя, – сказал он, обращаясь к городу. – Я буду искать, и мы наконец встретимся, мой друг. Кем бы ты ни был, я обещаю тебе это.

Он не стал трогать сознание Виллы. Она и так была достаточно напряжена и напугана, а замечание Карниша и его манеры поставили ее на грань нервного срыва. Кроме того, сейчас Карниша куда больше занимал план его ночной кампании. О Вилле он вообще не думал, не замечал ее присутствия, если не считать ощущения, что рядом находится комок напряженных нервов и страха. Такой ничтожный, такой человеческий.

Когда они подъехали к отелю, этому островку богатства и процветания посреди всеобщего моря убожества, Карниш вылез из машины прежде, чем Вилла успела открыть для него дверцу. Она улыбнулась нервной, вымученной улыбкой. Он сделал вид, что жалеет ее.

– Все в порядке, Вилла, успокойтесь. Я не кусаюсь.

Она начала было что-то говорить, но Карниш ее перебил:

– Что вы собираетесь делать?

– Ну, мне сказали, миссис Герберт сказала, чтобы я была рядом, на случай, если вам вдруг понадобится машина. Знаете, я буду прямо здесь, внизу. Вот, возьмите эту карточку. Здесь номер телефона, в машине. Позвоните, и я тут же подам автомобиль.

Она говорила так быстро, что Карнишу не удалось вставить ни слова. Когда она умолкла, он взял карточку и сказал:

– Сегодня вы мне не понадобятся. Возьмите машину и поезжайте домой. Вернетесь завтра вечером, часиков, скажем, в семь. Не раньше, понятно?

– Но мне сказали...

– А теперь я вам говорю... И им я тоже скажу. Сегодня ночью и завтра днем у вас свободное время.

И тут он почувствовал истинную причину ее растерянности. Они с мужем экономили каждый цент, и почти все, что зарабатывали, откладывали на первый взнос за небольшой, но зато собственный дом. Она не могла позволить себе выходной.

– Не волнуйтесь, вам заплатят. Просто сделайте, как я говорю. Завтра вечером, в семь. Я понятно выразился?

– Да, сэр. В смысле, если, конечно, вы уверены, сэр.

– Все, отправляйтесь.

Вилла кивнула и пошла к передней дверце. Подождав, пока швейцар вытащит вещи, она села в машину и уехала. Карниш прошел за швейцаром в отель. Швейцар передал багаж коридорному, а Карниш подошел к столу регистрации, чтобы получить свой ключ. Его уже ждали, и симпатичная девушка по имени Сандра Истман проводила его в номер на двенадцатом этаже.

– Надеюсь, вам у нас понравится, – сказала она, и прежде чем Карниш успел ответить, вышла и закрыла за собой дверь.

Отличная работа, подумал он. Ее предупредили о его замкнутости, и она действовала в соответствии с этим. Он даже не успел дать на чай коридорному. Но ничего, он вознаградит

его при выезде из отеля. И щедро. Ему доставляло большое удовольствие наблюдать, как люди пресмыкаются из-за денег.

Номер оказался вполне приличным. Две комнаты, гостиная и спальня, огромная ванная с джакузи и сауной. В мини-баре имелся широкий ассортимент напитков, но, конечно, пить Карниш не собирался. Кровать, поистине королевского размера, была покрыта бордовым парчовым покрывалом, отороченным золотом. Очевидно мило.

Было 11.56, когда Карниш позвонил портю и сказал, чтобы ни при каких обстоятельствах, кто бы ни позвонил, никого не соединяли с его номером до девяти утра. Затем он подошел к окну, раздвинул шторы того же дизайна, что покрывало, и выглянул наружу. Ему не удалось как следует осмотреться, так как высотки загораживали обзор, но убедиться, что повсюду тени и темнота, они не мешали. Небо было затянуто тучами; впрочем, это не имело особого значения, так как свет, источаемый городом, отражаясь от туч, наполнял небо болезненным желтоватым мерцанием.

В дверь постучали, и он улыбнулся про себя. Карниш ждал этого стука. Это миссис Герберт. Напустив на себя хмурый вид, он открыл дверь.

– Мистер Карниш?

Она оказалась в точности такой, какой он ее себе представлял. Блондинка, во многом очень похожая на Катрин Коломбо. Приблизительно того же возраста, но на вид, если можно так выразиться, более хищная. Ее волосы были стянуты в экстравагантный плетеный пучок. Слишком много макияжа, но, признаться, сделанного мастерски. Большие голубые глаза, чувственный алый рот. Алые, будто их окунули в кровь, ногти, на длинных тонких пальцах ничего похожего на обручальное кольцо. Только ее одежда его удивила. Она была одета в черное облегающее вечернее платье без бретелек, по контрасту с которым ее кожа выглядела очень бледной.

– Миссис Герберт?

– О, пожалуйста, зовите меня Кэрл.

– Хорошо, Кэрл.

– Надеюсь, вы не сочтете меня бестактной. Можно войти? – сказала она, входя и закрывая за собой дверь. – О, здесь очень мило. Я просто хотела убедиться, что вам предоставят все самое лучшее. Вы довольны? Я знаю, вы только что вошли и, наверное, устали с дороги, но я просто хотела удостовериться, что все в порядке. Прошу извинить мой внешний вид. Я была на вечеринке и ушла пораньше, чтобы забежать сюда и проверить, как вас устроили.

Вот интересно, одна или с мужем, подумал Карниш, а вслух сказал:

– Мне очень жаль.

– Да нет, что вы, мистер Карниш, там была такая скучища! Значит, вы всем довольны?

– Да, все в порядке.

Он чувствовал запах ее духов, но они были ему незнакомы. Что-то вязкое, мускусное и явно в большом количестве. Он непроизвольно сморщил нос.

– О мистер Карниш, вы не представляете себе, как я рада наконец-то встретиться с вами! Мы годами мечтали, что вы приедете в детройтский офис, но я даже представить себе не могла, что это случится так внезапно.

– Боюсь, что не обрадую вас визитом в офис. Я здесь по сугубо личному делу.

– Да, конечно, я понимаю. А миссис Карниш прилетела с вами?

Плутовка. Она прекрасно знает, что никакой миссис Карниш не существует. Он улыбнулся ей, принимая ее игру. Выбор у него был невелик.

– Нет никакой миссис Карниш.

– Я удивлена, что такой мужчина, как вы, и холостой.

Он не стал спрашивать ее о мистере Герберте.

– Миссис Герберт, Кэрл, уже поздно.

– Да, конечно, извините меня. Я просто хотела... По правде говоря, я просто хотела, чтобы ваше пребывание в Детройте надолго вам запомнилось.

– Вам это уже удалось.

– Это правда? Вы так добры.

Она подошла ближе, и запах духов стал таким сильным, что у Карниша зачесалось в носу. Она взяла его руку и прижала к своей груди.

– Я просто хотела рассказать вам, как я вами восхищаюсь и как я счастлива, что работаю у вас.

– Я тоже очень этому рад.

– И если я могу еще что-нибудь для вас сделать, что-нибудь, чтобы ваше пребывание здесь было более запоминающимся...

Карниш ощущал под платьем ее упругую грудь. Он был несколько удивлен скоростью, с которой развивались события. Он не знал, насколько далеко она собиралась зайти, и немного подтолкнул ее дальше, по выбранному ею пути.

– Кэрл...

– Мистер Карниш...

Она прижалась к нему, ее губы обхватили его губы, а ее язык страстно протиснулся между ними. Она издала низкий стон, и ему показалось, что сейчас она упадет ему на руки.

– О мистер Карниш, я так давно хотела встретиться с вами. Я... я просто не знаю, что на меня нашло.

При этих словах он чуть было не рассмеялся. Ее намерения были очевидны, и он всего лишь заставил ее действовать более быстро, чем она намеревалась вначале.

– Вы очень привлекательная женщина, – сказал он.

После этих слов она едва не упала в обморок. Ее губы покрыли его шею жаркими поцелуями. Карниш закрыл глаза. Не то чтобы ему было совсем скучно, но почти. Секс не являлся частью его жизни. Иногда он использовал его, чтобы усилить чувство обладания жертвой, но от чисто физического акта не получал никакого удовольствия. Миссис Герберт со стоном опустилась на колени, расстегнула ремень на его брюках и потянула их вниз. Потом аккуратно взяла его пенис обеими руками, открыв рот, подышала на него и затем зажала в губах. В ее глазах застыло такое выражение, словно она не совсем понимает, что делает и зачем, но не может остановиться. Она наращивала темп, но Карниш не чувствовал ни возбуждения, ни удовольствия. Впрочем, он знал, каков должен быть результат ее действий, и воспроизвел его. Ее глаза расширились, когда член у нее во рту стал толще и длиннее, упершись ей прямо в горло.

Она издала удивленный звук, но не отстранилась.

"Интересно, – подумал Карниш, – нравится ли ей это на самом деле?" Он сделал свой пенис ещё больше и толще, чтобы ее губам стало больно. Он не был уверен, ждет ли она от него каких-либо звуков, но, подумав, что это весьма вероятно, застонал. Она подняла на него свои широко раскрытые глаза, почти так же широко раскрытые, как ее губы вокруг его члена. На мгновение ему показалось, что он увидел выражение страха на ее лице, и его удовольствие, если это чувство можно так называть, на мгновение стало подлинным. Она издала наполовину задыхающийся, наполовину скулящий звук, и Карниш понял, что пришло время. Он кончил прямо ей в рот, контролируя поток семени так, чтобы выбросы были долгими и сильными. Ее рот и глотка работали, как насос, и он заметил, что выражение невероятности происходящего в ее глазах стало еще сильнее. Впрочем, эта игра захватила его, и он гораздо дольше, чем должен был бы на самом деле, продолжал изливать свое семя ей в рот, пока она непроизвольно не отстранилась, едва не захлебнувшись. Он обратил внимание, что, не желая обидеть его, она не выплюнула сперму, а с громким звуком проглотила.

– Мистер Карниш, – прошептала она с благоговейным ужасом.

– Спасибо Кэрл, – все еще поддерживая эрекцию, сказал Карниш.

Кое-как ей удалось подняться на ноги. Ее глаза были наполнены страхом. Он положил ей руку на шею.

– Надеюсь, ты придешь еще, когда я буду менее утомлен, – сказал он.

Ее глаза стали еще шире, хотя он думал, что это уже невозможно. У двери она повернулась, слабо улыбаясь.

– Спокойной ночи, Кэрол, – сказал Карниш.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но лишь кивнула, открыла дверь и выскользнула в коридор. Только после того как дверь за ней закрылась, Карниш снял эрекцию, застегнул брюки и подошел к окну. Его не покидало острое чувство, что он приехал как раз вовремя, что сегодня здесь произойдет еще одно убийство и он наконец-то встретит себе подобное существо. «Поверь в это, – сказал он сам себе, – поверь всей своей сущностью». Он подошел к двери, повесил на ручку табличку с надписью «НЕ БЕСПОКОИТЬ» и вышел.

7

Когда Бекки, положив наконец трубку, взглянула на часы, висевшие на стене прямо над Генри, было уже тринадцать минут первого. Невозможно поверить, но она проговорила с Саймоном по телефону больше трех часов. Еще сегодня утром и даже уже вчера ночью она знала, что он ей нравится, но даже не подозревала, что это чувство настолько в ней сильно. До того как она услышала по телефону его голос, она даже не представляла себе, как сильно хочет с ним поговорить, как ей нужен такой разговор. И они поговорили! Обо всем! О них самих, об их жизни, об их надеждах, мечтах и страхах.

Уже много лет она так не откровенничала с людьми, и, разумеется, результат можно было легко предсказать. Возникло ощущение близости. Даже по телефону. Нежелание повесить трубку, страх прервать только-только установившиеся отношения. Казалось, они ждали чего-то похожего очень долго и наконец их ожидание было вознаграждено.

Прошлое Саймона, как она и думала, было связано со средним классом. Но он застрял меж двух миров, страшась жить жизнью своих родителей, но еще больше, страшась выбрать другой путь. В результате он остался плыть по течению, одинокий, ни к чему не привязанный, сторонний наблюдатель жизни. Когда она рассказала, что в прошлом была сравнительно богата, он лишь слегка удивился. Но ее ситуация в корне отличалась от его положения. И всегда отличалась. Она сознательно оставила одну жизнь, чтобы жить другой. У нее было кое-что, во что она верила. И она твердо стояла на своем пути.

Но в одном из с Джеком Холденом мнение о Саймоне совпадало – это был хороший, честный и искренний парень. После трехчасового разговора по телефону ей не оставалось ничего другого, как лишь окончательно в это поверить. Саймон еще находился в поиске, но она верила, что однажды он найдет себя, и надеялась, что будет рядом, когда это случится.

Саймон произвел на нее неизгладимое впечатление. На это раз он был с ней более откровенен, чем вчера ночью, и рассказал ей без утайки, что именно он видел в переулке за книжным магазином. И теперь, когда она как следует узнала его и стала ему доверять, она уже не имела права сомневаться в его словах. Он стал свидетелем чего-то необъяснимого, чего-то ужасного.

Генри открыл глаза и посмотрел на нее. Бекки улыбнулась.

– Он, наверное, хороший парень, – почти дружелюбно сказал он.

– Да, – ответила она, продолжая улыбаться, и покраснела.

Генри обернулся, посмотрел на часы, встал и зевнул:

– Пойду проверю «президентский» номер.

– Сиди, Генри, я сделаю обход.

– Ты серьезно?

– Вполне, я и так слишком долго бездельничала.

– Ну, если ты хочешь...

Он снова сел, скрестил руки на груди и опустил голову. Бекки открыла нижний ящик стола и достала оттуда фонарик. Проверив, работает ли он, она направилась к двери в спальню, которую Генри с сарказмом назвал «президентским» номером.

Это было помещение примерно в сотню футов длиной и тридцать футов шириной – меньше, чем гимнастический зал, но больше, чем площадь среднего городского дома. Там стояли четыре ряда кроватей, по тридцать в каждом – возможность приютить на ночь сто двадцать человеческих существ, которым больше совершенно некуда пойти. Зал был погружен во тьму, горели только надписи «Выход» в дальнем конце, да свет из конторы проникал через открытую дверь. У входа Бекки на полминуты остановилась, чтобы глаза привыкли к темноте, а потом начала обход по первому ряду. Темные прямоугольники кроватей были похожи на ряды свежих могил. Она постаралась избавиться от подобных сравнений: они были совсем некстати,

особенно после рассказа Саймона. Кроме того, некоторые из этих могильных холмов шевелились, а зал был наполнен храпом, стоном, сопением и кашлем, и воняло здесь не смертью, а, наоборот, жизнью. Немытыми человеческими телами. Бекки наморщила нос, вдохнув эту ужасную смесь мочи, пота и кала, и черт знает чего еще.

Вот уже два года она занимала эту единственную в ночлежке полно оплачиваемую должность и достаточно хорошо знала многих из своих ночных гостей. Очертания тел пригорков на кроватях казались знакомыми, так же, как казались знакомыми и некоторые звуки. Однако лица менялись. Два года назад ночлежкой в основном пользовались мужчины, женщин было совсем немного, и они по большей части приходили одни. Теперь они приходят с детьми. С двумя, а то и тремя. Иногда дети спят вместе с матерью, но все-таки отдельно, потому что спать двоим на одной кровати запрещено распорядком. Бекки не знала, чем вызвана эта перемена, – то ли тем, что стало больше бездомных женщин и детей, то ли тем, что они постепенно начинают понимать пользу ночлежек. Многие выглядели довольно прилично и, на первый взгляд, особенно не голодали. Произошло то, что происходит с любым видом помощи бездомным и неимущим: этими услугами начали пользоваться те, на кого эти услуги ориентированы не были. Избитая мужем женщина убегает из дома и внезапно понимает, что пойти-то ей некуда. Мужчины, перебрав на вечеринке, решали, что лучше провести ночь в ночлежке, чем тащиться домой. Пока оставались свободные места, любой мог прийти сюда и остаться на ночь. Обычно люди, у которых был дом, проведя здесь одну ночь, больше не возвращались. Ночлежка – не то место, куда ходят ради удовольствия. А тем временем всякие политики, видя, что происходит, начинают болтать, что найдена панацея от любых социальных недугов:

«Вы только взгляните на ночлежку на Одиннадцатой улице. Содержится на пожертвования частных лиц, делает большое дело. Правительству нет нужды вмешиваться».

И в конце концов ночлежка превратится в отдушину для всех, кому нынче не повезло, и тогда от нее уже будет мало толку для тех, кому она действительно необходима. Дойдя до конца спальни, Бекки развернулась и пошла назад по другому ряду. Женщины и дети сбились в одном углу, как будто в толпе они получали хотя бы иллюзию защищенности от хищников, которые тоже могли скрываться в этом убежище.

При мысли о хищниках она вспомнила о Саймоне, о том, что, по его словам, произошло с Филом. Завтра они вместе собирались пойти искать Фила. Что, если вместо Фила они наткнутся на того, кто на него напал? У Бекки вдруг пропало желание заниматься этими поисками. Она дошла до двери, обернулась и окинула взглядом зал. Все было тихо и спокойно. Внезапно один из холмиков на кровати где-то посередине ряда приподнялся и повернулся на другой бок. Бекки была уверена, что лицо человека теперь обращено в ее сторону. Она не могла различить черт, видела лишь какую-то пеструю тень да два словно бы жидких пятна, которые были, а может, и не были, глазами. Вздвогнув, она быстро повернулась и вышла из спальни.

Карниш не торопясь шел прочь от отеля. Путь его пролегал по довольно преуспевающей части города. Отель был окружен дорогими ресторанами, бутиками, магазинами дорогой одежды и прочих товаров, которые могут понадобиться путешествующему бизнесмену. По дороге ему встретились несколько прохожих – по всей видимости, все они были постояльцами отеля. Ярко освещенные улицы выглядели празднично, однако через пару кварталов все это великолепие кончилось, и Карниш оказался в районе, застроенном деловыми зданиями. Здесь было довольно светло, но прохожих не было совсем. В темноте подъездов ему пару раз почувались какие-то тени, но это могли быть как люди, так и просто мешки с мусором.

Карниш бесстрашно шагал вперед. Он окружил себя такой аурой абсолютной безопасности в сочетании с угрозой, что потребовался бы поистине «крепкий орешек» – а таких он еще не встречал, – чтобы преодолеть эту ауру и приблизиться к нему. Он не был знаком с Детройтом, но, пройдя еще несколько кварталов, понял, что двигается поперек основного

направления уличного движения. Фонари попадались все реже, ухудшилось и состояние зданий. Начались пустыри – некоторые заасфальтированные, а некоторые просто заваленные кусками бетона и кучами грязи вперемешку со строительным мусором. Карниш не смотрел на названия улиц, ему это было не нужно. Он ориентировался, полагаясь на абсолютно иные чувства.

По улице, вдоль которой шел Карниш, то и дело проезжали автомобили. И водители, и пассажиры бледнели, глядя на него, и на их лицах читалось неприкрытое изумление тем, что в такой час и в этой части города прогуливается столь уважаемый господин. Однажды мимо пронесся старый гроыхающий рыдван. Из окон свешивались визжащие подростки. Девочка лет тринадцати выкрикнула в сторону Карниша оскорбление и истерически захохотала. Карниш послал ей вдогонку и плотно закрепил в ее сознании леденящую душу мысль о том, что ее влагалище кишит опарышами. Теперь ее ждет немало неприятных минут, пока она избавится от этой мысли. Он почувствовал ее внезапный ужас и усмехнулся про себя. На следующем перекрестке он повернул налево и быстро пошел, стараясь держаться в тени, ближе к зданиям» потом свернул направо, в переулочек. Здесь, в темноте переулочка, он позволил себе расслабиться и выпустил из себя свое покрывало из теней, которое было такой же его частью, как руки или ноги. И сразу же темнота в переулочке заметно сгустилась. К его огромному огорчению, в переулочке он был один, и некому было оценить этот внезапный наплыв устрашающей тьмы.

Переулочек окончился пустырем, заваленным зазубренными обломками бетонных плит, ржавыми балками и арматурой. Острые тени перемежались с лужами чернильной тьмы. Карниш постоял на краю пустыря и осмотрелся.

Да, его коллега – парень с воображением. Именно здесь произошло первое убийство. Карниш чувствовал это, чувствовал витающие в воздухе остатки ужаса жертвы. Он хорошо поработал, тот, другой. Дорис Робинсон испустила свой последний вздох в окружении невыразимо жуткого кошмара. Разве под силу простому смертному убийце вызвать у жертвы подобный ужас? Карниш предпочитал думать, что нет. А это значило – да, это значило, что наконец он стоит на пороге встречи со своим братом. Карниш задрал голову и испустил долгий радостный вопль, почти вой, который, отражаясь от каменных коридоров зданий, унесся прочь и затих где-то в ночи. Карниш двинулся вперед, осторожно ступая по осколкам бетона. Всего минута потребовалась ему, чтобы отыскать точное место, где произошло убийство; это случилось почти в самом центре пустыря, за кучей грязи, окруженной бетонными плитами, которые, как он предположил, были некогда стенами или перекрытиями какого-то здания.

Она умерла здесь. Некоторое время убийца сидел с ней на холодной жесткой земле, Карниш чувствовал это, какое-то время они были совсем рядом друг с другом. «Интересно, чем он ее сюда заманил? – подумал Карниш. – Обещанием денег, бессмертия или того и другого?»

Ах ты, бессердечное существо! Я хочу тебя встретить. Я хочу, чтобы мы были вместе.

Как же он ее убил? Очевидно, это был не обычный процесс насыщения. Впрочем, Карниш не понимал до конца, как происходит его собственное насыщение. Разумеется, не было никаких клыков, никаких укусов в шею, никакой струящейся крови. Это было одновременно и физический, и духовный процесс. Он завертывал жертву в свое собственное тело и поглощал целиком, не оставляя ничего, кроме воды, этой основы жизни, насыщаясь страданиями жертвы так же, как и ее телом.

За последние пятьдесят лет Карниш сам четыре раза пытался привлечь внимание себе подобных и, так же как тот, кого он сейчас искал, оставлял следы, руководствуясь сказками и фантастикой. В 1964 году он провел неделю во Флориде и убил там шесть молодых проституток. Он изготовил себе протез с клыками, неделями тренировался кусать им кусочки мяса и в конце концов стал прямо-таки специалистом по прокусыванию и сосанию, хотя все это выглядело для него целиком и полностью ненатурально. Он начинал с того, что ослаблял жертв в своей обычной манере, обволакивая их своим телом, высасывая из них жизнь, а когда они

становились совершенно неподвижными и бесчувственными, заставлял себя прервать процесс насыщения. Он бесился от того, что приходится это делать, и не получал от этого ни малейшего удовлетворения. Прокусывая шеи, он обнаружил, что крови вытекает слишком мало, а то количество, которое ему удавалось выпить, подобно горячему соусу или подливе, лишь вызывало у него тошноту. Это был ненастоящий и абсолютно неэффективный способ насыщения, но Карниш терпеливо продолжал в том же духе и оставил вокруг Форт Лодерсдейла шесть обескровленных трупов. Газеты принялись за дело только после его вмешательства. Полиция отказалась предоставить какую-либо информацию по делу, и Карниш, по телефону раскрывая ему одному известные подробности, стал для местной прессы и телевидения тайным источником информации. Газеты запестрели заголовками вроде «Вампир охотится на пляжах» или «Кровосос подстерегает женщин». Но все равно статьи были написаны с прохладным цинизмом: газетные трюки, не более того. Все знали, что убийца – обычный психопат.

Его зов остался без ответа. Карниш терпеливо ждал, но никто не явился, и он вернулся в Миннеаполис, подавленный и расстроенный, решив, что он всегда был, есть и будет единственным в своем роде. Десять лет он пребывал в отчаянии и избавился от него только в 1975 году, когда предпринял безумную попытку заявить о себе в Миннеаполисе. К счастью для него, эта попытка провалилась, и в 1976 году он обратил внимание на Париж. Его французский оставлял желать лучшего, но, собственно, он и не был ему нужен. Карниш поведал французам о своем существовании на языке смерти – языке, который понимают во всем мире. На сей раз он уже не стал пользоваться клыками. Он совершенно справедливо рассудил, что подобное ему существо скорее всего будет и жизнь вести, подобную его собственной. А именно: жить тихо и незаметно, ограничивая свою деятельность таким образом, чтобы обнаружить его было как можно труднее. В Париже он убивал в своей обычной манере, и ему стоило немалых хлопот доставлять полиции и средствам массовой информации сведения о пропавших бездомных или бродягах. Пару месяцев освещение этих событий в печати было вполне удовлетворительным, но полиция, как водится, предположила, что большинство пропавших просто-напросто перебралось на «более тучные пастбища». Карниш сочинял и распространял истории о том, что по ночным улицам Парижа, в темноте, бродит ужасное нечеловеческое существо в поисках очередной жертвы. Слово «вампир» ни разу не употреблялось. Но и в этот раз на его зов никто не откликнулся. Он снова терпеливо ждал, каждую ночь отправлялся на поиски себе подобных, но все безрезультатно. И вновь он вернулся в Миннеаполис, подавленный и расстроенный.

В 1987 году он попробовал еще, на этот раз он поехал в Калькутту. Но там ему хватило одного дня, чтобы понять: сколько бы он ни убил здесь людей и насколько бы явными ни были улики, никто, а особенно кто-то, подобный ему, ничего не заметит. Он подумал, что, если бы его собратья существовали, они были бы рады жить здесь, ибо тут их действия, даже если бы кто-то обратил на них внимание, не вызвали бы бурной реакции. Люди умирали тысячами, и до них никому не было дела. В этой свистопляске смерти и отчаяния Карниш был не в состоянии определить присутствие себе подобных, и даже если бы они здесь были, он сомневался, что сумел бы это почувствовать: их темная сущность тонула в куда более глубокой тьме, исходящей от местного общества. И снова он возвратился в Миннеаполис.

С тех пор Карниш бросил попытки подавать знаки о своем существовании – в конце концов это было просто опасно – и направил свои усилия на поиски знаков, оставленных другими. Он боялся разоблачения, а оставлять улики – это прямой путь к нему. Все-таки люди не такие уж беспомощные существа. Он ненавидел их и боялся. Он был один, их было много, и они много знали о нем, хотя и верили не всему. Он жил, окруженный врагами.

Занявшись своими изысканиями, Карниш быстро обнаружил, что убийства в стиле вампиров происходят по всему миру. Организуя бюро, поставлявшее ему информацию, он рассчитывал, что в лучшем случае сообщения будут поступать раз в месяц, но получал их почти ежедневно. Казалось, имитировать вампиризм стало всеобщим развлечением. Больные люди.

Карниш очень скоро научился разоблачать эти подделки. В первую очередь он отметал известия о смерти сколько-нибудь заметных лиц; по сути, его интересовали только убийства нищих или бродяг. Ни один настоящий вампир не выбрал бы жертву из других слоев общества. Месяц спустя он ввел в обиход некий фильтр из ключевых слов «бездомный», «бродяга» и «проститутка» в сочетании со словом «вампир». Еще одно бюро снабжало его материалами о количестве бездомных и историями об их исчезновениях. За последние два года он получил всего по паре таких историй, но потом начались события в Детройте.

Карниш оперся на бетонную плиту, закрыл глаза и потянулся своими чувствами во тьму. Где ты? Чем ты занят сегодня ночью?

Ответа не было.

Вдруг на ближайшей улице появилась полицейская машина. Луч прожектора побежал по пустырю. Карниш присел и закутался в свою накидку из теней. Луч прошел по нему, на мгновение осветив место смерти Дорис Робинсон, и погас. Машина медленно удалилась. Выждав несколько секунд, Карниш поднялся. Он был в ярости. Он ненавидел, когда его вынуждали прятаться, ненавидел людей, их ничтожное, жалкое существование. Ненавидел свой страх перед ними. Он торопливо пересек пустырь и вернулся в переулок, из которого пришел. Ночь только начиналась, пора было поохотиться.

Время шло быстро. Летели часы, а Карниш все никак не мог найти признаков того, что его детройтский собрат сегодня вышел на охоту. Однажды он по пожарной лестнице забрался на крышу многоквартирного жилого дома и около часа простоял там, разглядывая Детройт сверху. Казалось, город никогда не отдыхает. То тут, то там, то и дело вспыхивало движение. Каждую минуту откуда-то доносились какие-то крики, потом опять наступала тишина. Карнишу это казалось странным, почти пугающим. Он не понимал этот город, который во многом напоминал ему Калькутту. Другое дело – Миннеаполис. Он побывал во всех местах, где были обнаружены жертвы вампира. Пресса сообщала о шести, но Карниш, совершенно случайно, обнаружил седьмое. Повсюду он чувствовал остатки ужаса жертвы, но не уловил ничего, что позволило бы ему создать четкое представление об образе и сущности убийцы. На седьмом месте он нашел труп. Это был склад, примерно в миле от пустыря, где была убита Дорис Робинсон. Труп белой девочки, примерно шестнадцати лет, был накрыт газетами и находился в стадии сильного разложения. Карниш прикинул, что это, должно быть, одна из первых жертв, убита примерно в середине июля. Тело настолько разложилось, что он не смог обнаружить на нем интересующие его следы, столь хорошо заметные на других трупах, зато он отчетливо чувствовал ужас убитой. Это совершенно определенно была одна из *его* жертв.

Около четырех часов утра Карниш понял, что не найдет сегодня своего коллегу. Небо на востоке из синего стало лиловым, и он решил, что пора двигаться в сторону отеля. В переулке, уже недалеко от отеля, он наткнулся на группу подростков. Их было шестеро, и они стояли вокруг какого-то дрожащего комка на тротуаре. Комок оказался женщиной лет сорока; жизнь на улице основательно ее потрепала. Казалось, она не замечает этих смеющихся и издевающихся над ней подростков, хотя они, очевидно, занимались этим задолго до того, как он подошел. Лицо ее, покрытое грязью, было все в синяках и запекшейся крови. Карниш спрятался в тени и с растущим изумлением принялся наблюдать. Среди подростков были и белые, и черные, но все сравнительно хорошо одеты. Субботней ночью вышли в город поиздеваться над слабыми и беззащитными. Прямо его собственные отпрыски.

Один из подростков наклонился над женщиной, распахнул на ней пальто и грубо сжал ее грудь. Женщина не сделала ни единого жеста сопротивления и лишь подняла на него ничего не выражающее, безразличное ко всему лицо.

– А у нее есть сиськи, – сказал подросток, выпрямляясь. – Давайте трахнем ее, что ли?

До сих пор они ограничивались лишь оскорблениями и легкими тычками, но теперь решили перейти эту грань. Карнишу было любопытно почему. Он не вполне понимал механизмы человеческого сексуального влечения. Но время шло, а он был голоден и не собирался до утра стоять здесь и наблюдать, как они развлекаются. Он послал в их сторону ледяной сгусток страха. Он дал им знать, что за ними наблюдают. Подростки нахохлились, сунули руки поглубже в карманы, словно по переулку пронесся порыв холодного ветра, и попятнулись от бродяжки.

– Пойдемте-ка лучше отсюда, – сказал один из них. – Что-то мне не по себе. Плохое предчувствие.

Они слушались своих инстинктов как животные. Сначала они просто шли, ускоряя шаги, потом побежали и скрылись из виду. Карниш вышел из темноты и направился к лежащей на асфальте женщине, которая, казалось, даже и не заметила, что мальчишки оставили ее в покое, и все так же паялилась в пустоту. Впрочем, она подняла взгляд на Карниша – скорее из любопытства, чем из страха. Все самое плохое, что могло с ней случиться в жизни, уже случилось. Карниш, разочарованный, присел рядом.

– Цела? – спросил он.

Она не ответила. Потом из-под лохмотьев высунулась грязная вонючая рука.

– Ну, что там у тебя? – хрипло проговорила бродяжка.

– Сначала ты мне скажи, кое-что, – покачав головой, сказал Карниш.

Она заморгала, не понимая, чего от нее хотят, и слегка нахмурилась. Карниш улыбнулся.

– Чего ты больше всего боишься? – мягко спросил он.

То ли необычность вопроса, то ли тон, каким он был задан, тронули ее, но в ее глазах промелькнул страх, и, посмотрев на него, она нахмурилась еще сильнее.

Он ясно чувствовал ее страх и читал ее мысли, словно шагал по широкой аллее, открытой в ее сознании этим вопросом. На самом дне ее сознания таился самый распространенный страх, страх, который разделял даже Карниш. Она боялась, что после смерти попадет в ад. Карниш был удивлен и шокирован. Разве в Библии не сказано, что тот, кто не имеет ничего, на том свете получит все? Неужели она боится, что после всех ужасов и лишений, выпавших на ее долю в этой жизни, за гробом ее приговорят к чему-то еще более страшному? Но, как ни странно, он видел, что это так. Именно этого она боялась больше всего. И этот страх он мог уважать, он мог ему посочувствовать. Карниш верил в Бога. Если на свете существует такая тварь, как он, то должен существовать и Бог. А если существует Бог, то и рай, и ад тоже должны существовать. А если они существуют, то в том, куда попадет он, Карниш, не может быть ни малейших сомнений. Вот почему он так боялся смерти. Он знал, что его ждет.

Но сейчас его занимал не собственный страх, а страх этой женщины. Из тусклых, замшелых коридоров ее памяти он извлек ее имя – Натали.

Когда-то у нее была нормальная жизнь. У нее был муж, дети, работа. Но она все это потеряла из-за своей слабости, из-за алкоголя, из-за наркотиков. Теперь у нее не было ничего. Ничего, кроме Карниша. Он поднял ее на такую высоту, чтобы их лица были бы на одном уровне. Она не сопротивлялась, да он и не ждал этого от нее. Его тело открылось, втянуло ее в себя и обхватило со всех сторон. Он сжал ее руками и уставился ей в глаза. Он показал ей ад. Он внушил ей, что она прямоком попадет туда. Он щекотал ее сознание ужасной мыслью:

Все ужасы, которые ты можешь вообразить здесь, на Земле, будут в тысячу раз лучше самой приятной вещи, которая произойдет с тобой, там, куда ты отправляешься.

Он смаковал ее страх, кристально чистый, несмотря на грязь, покрывающую ее с головы до ног. Она сделала попытку закричать, но он залепил ей рот и приглушил крик. Он всасывал ее в себя, поглощая всю, без остатка, и его глаза смотрели в ее глаза, обезумевшие тот ужаса, насланного на нее Карнишем, до тех пор, пока от нее не осталось ничего.

«Бог ненавидит тебя, Натали», – внушил он остаткам ее исчезающего сознания, и все закончилось. Натали больше не было. Карниш поднял голову и, посмотрев на светящееся небо, вздохнул, настолько удовлетворенный, насколько это вообще было для него возможно. Ему приходилось питаться отбросами общества, и за это он ненавидел их.

Но тем не менее это была жизнь. И только жизнь имела значение. Он втянул в себя свою тьму и, вновь став похожим на человека, двинулся к отелю. В вестибюле он пожелал, чтобы никто его не заметил. Его никто не заметил. Пешком он поднялся на второй этаж, а затем на лифте – к себе, на двенадцатый. Оставив на двери табличку с надписью «Не беспокоить», он вошел в номер, задернул шторы, отгораживаясь от дневного света, лег на кровать и, позвонив портье, спросил, были ли какие-либо звонки. Звонков не было. Тогда он приказал не соединять никого с его номером до семи часов вечера, не беспокоить его и номер не убирать.

– Хорошо, сэр, – ответили ему.

Карниш положил трубку и уставился в потолок. Он никогда не спал, а впереди был долгий день, и ему было о чем поразмыслить.

8

Саймон медленно прохаживался по тротуару до угла Шестой улицы и Третьей авеню и обратно, до ступенек муниципалитета, где стояли три пустые полицейские машины. День был теплый, солнечный, небо – пронзительно-голубое. Бабье лето очень похоже на настоящее, но в воздухе уже чувствуется та сухость, которая предвещает зиму. Было двенадцать тридцать две. Он гулял здесь уже пятнадцать минут, хотя с Бекки они договорились встретиться в половине первого.

Утро в магазине выдалось оживленнее, чем он предполагал. Была объявлена распродажа научной фантастики, и бизнес заметно оживился. Саймона попросили поработать дополнительно после обеда, но он вынужден был отказаться, чего не сделал бы в обычных обстоятельствах. Он был достаточно честен с самим собой и понимал, что отказывается от дополнительного заработка не только из-за Филя. Ему очень хотелось снова увидеться с Бекки. Она вышла из-за угла в двенадцать тридцать пять. На ней были джинсы, матерчатые туфли и шерстяной свитер. Она улыбнулась и помахала ему. Он улыбнулся в ответ.

– Ты уже здесь, – сказала она.

– И ты, – ответил он.

– Мы одни?

– Да, у Боба и Ронни дела.

– Ничего.

Они стояли, смотрели друг на друга и улыбались. Саймон понимал, что выглядит дураком, но ничего не мог с собой поделать. После того как прошлой ночью они три часа говорили по телефону, он находился в некотором потрясении. Он никогда еще так быстро не сблизился ни с кем, тем более с женщиной, к которой его к тому же влекло. Целый час после этого разговора он не мог уснуть и без конца воображал возможные направления развития их отношений. А теперь, когда он стоял с ней лицом к лицу, все, что он мог делать, это глупо улыбаться.

– Ну, с чего мы начнем?

Бекки не витала в облаках, она ни на минуту не забывала, зачем они встретились. Саймон заставил себя сосредоточиться.

– Я думаю, для начала можно заглянуть к «Мунбим Букс».

– Хорошо, так и сделаем.

Он уже хотел пойти вперед, но Бекки остановила его. Взглянув на нее, Саймон увидел, что она больше не улыбается. Он тоже помрачнел.

– Признайся, ведь ты не надеешься его найти, да? – спросила она.

Саймон сделал глубокий вдох, надул щеки и с шумом выпустил воздух.

– Нет, не надеюсь, но все равно хочу попробовать, – покачав головой, ответил он.

Даже теперь, когда он был не один, ему потребовалось собрать все свое мужество, чтобы преодолеть страх и войти в переулок. Бекки, заметив, что он колеблется, положила руку ему на плечо:

– Хочешь, я пойду и взгляну?

Он посмотрел ей в глаза. Она не подшучивала над ним. Она видела его страх. Он был почти уверен, что она его понимает. Но все же понять его она не могла, потому что не видела того, что видел он, никогда не убегала, оглядываясь, от той высокой худой фигуры. Он покачал головой:

– Нет, я сам.

– Тогда пошли.

Он почувствовал прикосновение ее пальцев, а в следующее мгновение она уже держала его за руку. Это произошло так неожиданно, что он даже не успел осознать, что происходит. Бекки улыбнулась и стиснула ему руку.

– Ты как? – спросила она.

– Пожалуй, нормально. Ну давай, хватит тянуть.

Саймон пошел вперед. Бекки шла рядом, не опережая его, но и не отставая. Сердце Саймона билось как бешеное. Он, злясь на себя, потряс головой. В конце концов это же глупо! Он приходил сюда вчера утром, и ничего с ним не случилось. Здесь нечего бояться. Еще полчаса назад он даже хотел поскорее прийти сюда, посмотреть, вдруг он чего-нибудь пропустил.

Казалось, страх ждал его здесь. Он уже подошел к «Дамстеру», когда эта мысль обожгла его. Да, да. У него было именно такое чувство. Как будто страх ждал его здесь. Он посмотрел на Бекки. Она была очень бледной.

– Ты тоже это чувствуешь? – сказал он.

Она вздрогнула.

– Господи, Саймон!

– Прости, но ты тоже это почувствовала, правда?

– Что «это»?

– Ну, это, будто какая-то угроза, что ли, висит в воздухе. Что-то нехорошее. Ты разве не чувствуешь?

– Брось, Саймон. Ты волнуешься, я волнуюсь, вот и все.

Саймон глубоко вздохнул и, потянув ее за руку, повел за угол контейнера. Там, где он последний раз видел Фила, лежали размокшие картонные коробки. Тут же, неподалеку, валялся разорванный и грязный пакет из «Бургер Кинг», который лишний раз доказывал, что Саймон был здесь той ночью.

– Это здесь? – тихо спросила Бекки.

– Ну, я стоял подальше, у магазина, но я хорошо все видел.

– Здесь ничего нет.

– Я знаю.

– Ты Джеку все рассказал?

Он повернулся и посмотрел на нее. Что бы ни было у него во взгляде, но недоверие моментально исчезло с ее лица.

– Я просто не все поняла, – сказала она, отворачиваясь. – Что это была за вода, и откуда она взялась?

– Я не знаю.

– Может, Джек знает? Он сказал, что поверил тебе.

– Да, сказал.

– Может, ему что-то известно?

– Что?

– Не знаю. Пойдем отсюда.

Саймон и сам был рад покинуть это место. Едва они вышли из переулочка, Саймону показалось, что какой-то груз свалился у него с плеч. Он судорожно вздохнул, будто ему не хватало воздуха. Бекки посмотрела на него:

– Ну ладно, я тоже это почувствовала. Там произошло что-то ужасное.

Саймон медленно покивал, соглашаясь.

– Так что теперь? – спросила она. – Вероятно, мы должны исходить из предположения, что Фил жив и где-то поблизости, не так ли?

– Наверное, так.

– А иначе это будет пустая трата времени. Что еще нам искать? У меня, например, нет большого желания наткнуться на то, что ты видел, чем бы это ни было.

- Понимаю, и у меня тоже. Итак, мы ищем Филадельфия.
- Где еще он может быть?
- В библиотеке, – без колебаний сказал Саймон.

От «Мунбим Букс» до Общественной библиотеки Миннеаполиса было всего пятнадцать минут хода, сначала вниз по Хеннепин, затем по Николет. В библиотечном дворике, выходящем на Николет, было полно людей. Одни читали, устроившись на скамейках, другие просто грелись на солнце. Здесь были бродяги, подростки, сбившиеся в кучки, и семейные пары с детьми, играющими на островках зеленой травы.

- Вот здесь мы с ним и познакомились, – сказал Саймон, показывая ей на одну из скамеек.
- Он мне рассказывал.
- Серьезно?
- Ты был важной частью его жизни, Саймон.
- Я всего лишь брал для него книги.
- Книжки и были его жизнью. Чтение было одним из немногих удовольствий, что остались ему доступны. Не надо недооценивать то, что ты для него делал.

Саймон вдруг почувствовал предательскую тяжесть в груди и отвернулся:

- Пойдем заглянем внутрь.

Но и внутри не было никаких следов Филадельфия. Саймон часто встречался с ним здесь, обычно по воскресеньям. И Фил, как правило, ждал его или во дворе, или внутри, в читальном зале. Там стояли удобные кресла и даже пара диванов. Наверное, это была самая мягкая часть жизни Филадельфия; охранники следили, чтобы бродяги здесь не спали, но на бодрствующих и читающих они не обращали внимания. Саймон и Бекки обошли все стеллажи, осмотрели читальный зал и вышли наружу.

- Его нигде нет, – подвел итог Саймон.

Они подошли к свободной скамейке и сели. Солнце пригревало им спины. Саймон, улыбаясь, посмотрел вниз, на пальцы Бекки, затем перевел взгляд на ее лицо.

- Так, ну и что мы?
- Что – что мы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.